

98
33

ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

№ 5-6

М А Й

1866

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Слава правительству за принятую систему войны! Результаты ее особенно резко высказались весной 1864 г.: нельзя было не любоваться, какъ русское племя, занявъ уже всѣ ущелья по сѣверной сторонѣ главнаго хребта, спокойно бороздило плугами землю, тогда какъ полгода тому назадъ нельзя было показаться изъ станицы, чтобъ не наткнуться на горцевъ, рыскавшихъ кругомъ. Уже начинали забывать, что значить ходить съ прикрытіемъ, а такъ называемыя шалости горцевъ остались только въ разсказахъ солдатъ и первыхъ переселенцевъ. Не слышно стало роковыхъ выстрѣловъ: ихъ замѣнилъ тихій колокольный звонъ, раздающійся въ горахъ и призывающій христіанъ на молитву въ убогія, временныя станичныя церкви.

Теперь, безопасно пасущіяся стада, ночные костры, по степямъ и ущельямъ, среди мирныхъ чумацкихъ вагенбурговъ, громкія пѣсни запоздалыхъ гулякъ, одиночные невооруженные прохожіе, встрѣчающіеся по дорогамъ и днемъ, и ночью, звонкія, заунывные трели валдайскихъ колокольчиковъ, заливающіяся то въ той, то въ другой сторонѣ, говорятъ только одно, что

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!

Е. ГЕЙНСЪ.

2) Бывшаго Черноморскаго войска	3,850
3) Бывшаго линейнаго казачьяго войска, въ числѣ которыхъ значится 310 семействъ, поселенныхъ безъ пособія отъ казны	4,490
4) Терскаго казачьяго войска	51
5) Донскаго казачьяго войска	1,008
6) Азовскаго казачьяго войска	1,051
7) Оренбургскаго казачьяго войска	425
8) Уральскаго казачьяго войска	83
9) Нижнихъ чиновъ кавказской арміи	1,014
10) Государственныхъ крестьянъ	1,338
11) Охотниковъ разныхъ сословій, въ числѣ которыхъ: 224 семьи временно-обязанныхъ крестьянъ войска Донскаго, 45 семействъ зачинщиковъ неповиновенія крестьянъ, 82 семейства эзень-амскихъ поселянъ, 166 семействъ отставныхъ и служащихъ матросовъ, а также мѣщанъ города Николаева, вызванныхъ собственно для поселенія по берегу	651
12) Переселенцевъ всѣхъ сословій, водворенныхъ въ станицахъ на другой годъ по ихъ возведеніи, т. е. когда онѣ входили въ составъ старыхъ линій	288

Всѣхъ 14,396

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ

ПОДПОЛКОВНИКА ДАНИЛЕВСКАГО

въ 1842 году.

Въ разсказахъ нашихъ о сношеніяхъ Россіи съ средне-азиатскими государствами (*), мы остановились на возвращеніи капитана Никифорова въ Оренбургъ. Было уже объяснено, какъ неодобрительно встрѣтилъ хивинскій ханъ Аллакулъ предложенія Никифорова, и если послѣ долгихъ споровъ онъ согласился на нѣкоторыя изъ нашихъ требованій, то все-таки вопросы торговый и о разграниченіи киргизъ остались нерѣшенными, и ханъ по прежнему признавалъ подвластными себѣ всѣ киргизскія племена, кочующія на югъ отъ рѣкъ Эмбы и Иргиша.

Опасаясь однакожъ явнаго разрыва съ Россіею, послѣдствія котораго Хива еще такъ недавно успѣла испытать, ханъ рѣшился отправить вмѣстѣ съ Никифоровымъ къ нашему двору новыхъ посланцевъ, для окончательныхъ переговоровъ съ нашимъ правительствомъ, съ каковою цѣлю и былъ назначенъ почетный сановникъ Хивы Ваисвай Набіевъ, со свитою изъ 16 человекъ (1).

12-го декабря 1841 года, посольство это прибыло въ Оренбургъ, и казна приняла его, по обыкновенію, на свое содержаніе, отпуская, кромѣ квартиры и прислуги, кормовыя: послу и товарищу его по рублю, четыремъ почетнымъ хивинцамъ по 50 к., а остальнымъ по 25 к. сер. въ сутки (2).

Прибывъ въ Оренбургъ, посланцы тотчасъ же предъявили мѣстному начальству, что они имѣютъ отъ своего владѣльца порученіе заключить актъ на тѣхъ условіяхъ, какія предложены были капитаномъ Никифоровымъ въ Хивѣ, кромѣ вопроса о границѣ хивинскихъ владѣній, по которому предоставлено посланцамъ ходатайствовать особо у высшаго правительства.

27-го января 1842 года послѣдовало высочайше повелѣніе о допускѣ посланцевъ въ Петербургъ, а 19-го февраля, сопровождаемые четырьмя человекъ свиты и переводчикомъ, они

(*) Статей г. Загѣсова въ „Военномъ Сборникѣ“ за 1861 г., № 11-й.

выѣхали въ столицу. На расходы по поѣздкѣ ихъ въ Петербургъ и на содержаніе свиты въ Оренбургъ было асигновано 2,000 р. сер.

Что же привезъ съ собой достопочтенный Ваисъ Ніяз-вай? какія письма, наполненныя цвѣтами восточнаго краснорѣчія? какіе протесты и увѣренія? А писемъ привезъ онъ много, больше чѣмъ привозили всѣ его предшественники. Послушаемъ же, хотя для примѣра, что писалъ ханъ Аллакулъ къ императору Николаю Павловичу.

„Всепочтенный, всеуважаемый, превознесенный, высокостепеннѣйшій, славный, пышный, всевысочайшій, самодержавный, всѣхъ російскихъ областей, великій султанъ и всея Россіи высокій государь, хорошій и добрый нашъ другъ, вѣрный и старинный нашъ пріятель, самодержавнѣйшій императоръ!“

Вотъ какъ трактовалъ Аллакулъ съ могущественнымъ своимъ сосѣдомъ. Онъ считалъ себя вправѣ называть его „другомъ и пріятелемъ“—словомъ, быть на равной ногѣ съ повелителемъ царства, сравнительно съ которымъ миніатюрная Хива, съ 300,000 жителей, была не болѣе какъ губернія. Его высокостепенство забылъ, кажется, и бѣдственное положеніе своего ханства во время перерыва сношеній съ Россією, и страхъ, наведенный на него движеніемъ отряда Перовскаго, и непріятный, во всякомъ случаѣ, для нашего правительства отказъ утвердить условія, предложенныя Никифоровымъ. Для Аллакула казалось все нипочемъ, и въ своемъ самообольщеніи онъ писалъ какъ повелитель великой державы.

„Да будетъ ясно и свѣтло дознано вашимъ чистымъ сердцемъ—продолжаетъ ханъ—что, благодаря Бога, великое существо наше возсѣдаетъ на царственномъ престолѣ, а чистое сердце наше пребываетъ въ сѣдалищѣ ненарушимой правоты. Подданные наши, вкушая въ тишинѣ плоды древа нашего правосудія, наслаждаются въ саду нашихъ щедротъ и милостей истиннымъ счастіемъ и усердно молятся днемъ и ночью о высокомъ счастіи нашей державы: итакъ, на зеркалѣ нашего сердца не видно пыли неудовольствія или смущенія, и нѣтъ въ немъ никакихъ мрачныхъ отраженій. По изъясненіи словъ, выражающихъ дружество, извѣщаемъ его высокомѣстное величество, что постоянное желаніе нашего сердца было въ томъ, чтобы Хива съ Россією, по прежнему, составляли единый народъ и единое царство. Нынѣ, благодаря Зиждителя міровъ, то

чистое желаніе наше исполнилось, потому что со стороны самодержавнаго приѣзжца правосудія, на правахъ посла, къ намъ прибылъ высокостепенный капитанъ Никифоровъ, который чрезъ придворныхъ нашихъ и доставилъ намъ препровожденное съ нимъ дружественное письмо. Такъ какъ въ томъ письмѣ каждое слово выражало дружбу и всякая буква означала взаимную пріязнь, то мы, постигнувъ это, были тѣмъ весьма восхищены и сами, ради благополучія подданныхъ нашихъ, будучи въ твердой рѣшительности сдружиться и во всемъ примириться, изгнали изъ хранины нашего сердца всякую злобу и враждованіе, послѣ того, какъ упомянутый капитанъ совершилъ условія посольства и преисполнился пользою отъ нашего вниманія и милостей, просилъ себѣ позволенія на обратное слѣдованіе въ свое отечество. Разрѣшивъ его по желанію его, мы при отправленіи присоединили къ нему одного изъ довѣренныхъ лицъ нашего золотого порога, высокостепеннаго, прославленнаго преданностію Ваисъ Ніязвая, съ тѣмъ, чтобы онъ, увидавъ нашего могущественнаго друга и всеобладающаго пріятеля благополучное возсѣданіе на престолѣ самодержавія, возвратился и донесъ о томъ намъ. Во всемъ остальномъ мы поручили ему словесно; при личномъ свиданіи онъ не оставитъ о томъ донести.

„Да дастся сему дружественному письму полная вѣра, съ чѣмъ оно и написано въ благословенномъ мѣсяцѣ рамаданѣ 1257 года (октябрь 1841 года).“

Что же касается до остальныхъ писемъ къ государю, графу Несельроде, Перовскому и Генсу, то желающіе могутъ прочитать ихъ въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ (3).

Всѣ эти письма, равно и вышеприведенное заставляютъ думать, что ханъ Аллакулъ нисколько не считалъ себя ниже російскаго императора; тонъ его нѣкоторыхъ выраженій показываетъ даже, что какъ будто мы сами заискивали дружбы Хивы и что послѣдствія разрыва съ Россією, столь тяжелыя для этого ханства, были разорительны и для насъ. На чемъ основывалъ ханъ такой взглядъ, неизвѣстно, но разубѣдить его въ томъ и осязательно доказать его заблужденіе, дабы сразу поставить хана въ нормальныя отношенія къ Россіи, казалось, должно было составлять главнѣйшую заботу нашего правительства, и преимущественно нашихъ агентовъ, посылавшихся въ Хиву. Въ этомъ отношеніи капитанъ Никифоровъ сдѣлалъ все, что могъ, и мы не имѣемъ права упрекать его въ

маломъ соблюденіи достоинства Россіи. Но если первая попытка поставить хана на настоящую точку зрѣнія кончилась не совсѣмъ удачно, то тѣмъ не менѣе слѣдовало дальнѣйшія наши сношенія съ Хивою все-таки продолжать въ томъ же духѣ, чтобы приучить ее, на сколько это возможно, безъ участія силы, хотя къ нѣкоторому сознанию ея ничтожества передъ Россіей. А потому намъ и интересно знать, что сдѣлалъ Данилевскій для окончанія такъ разумно начатаго Никифоровымъ.

10-го марта посолъ прибылъ въ Петербургъ, былъ представленъ ко двору, а 9-го мая отправился въ обратный путь въ Оренбургъ. Посла и сопровождавшихъ его людей одарили вещами и деньгами, а для оставшейся въ Оренбургѣ свиты изъ 11 человекъ выслали 60 аршинъ сукна, 2 куска шелковой матеріи, 100 аршинъ атласу и 230 р. сер (4). Послу при отправленіи была вручена грамота отъ государя къ хивинскому хану, въ которой однакожь, кромѣ обыкновенныхъ вѣжливостей, ничего особеннаго не было сказано (5).

Въ статьѣ о посольствѣ Никифорова, уже было объяснено, что офицеру этому, отправившемуся по возвращеніи изъ Хивы въ Петербургъ, не удалось побывать въ столицѣ: онъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ въ имѣніи одного изъ своихъ родственниковъ въ Симбирской губерніи. Какъ только стала извѣстною болѣзнь Никифорова, Перовскій, находившійся тогда въ Петербургѣ, немедленно предписалъ состоявшему при немъ для особыхъ порученій подполковнику Данилевскому ѣхать къ Никифорову и, получивъ отъ него всѣ бумаги, касавшіяся миссіи, прибыть съ этими бумагами въ Петербургъ (6).

Данилевскій исполнилъ порученіе, но, не заставъ въ живыхъ Никифорова, забралъ его бумаги и 7-го марта былъ уже въ Петербургѣ. Здѣсь было рѣшено отправить Данилевскаго вмѣстѣ съ возвращавшимся хивинскимъ посланцемъ къ Аллакулу, для окончанія начатыхъ Никифоровымъ переговоровъ. Въ составъ новой миссіи были назначены: переводчикъ, письмоводитель, натуралистъ Базинеръ, 2 топографа и 20 казаковъ.

На отправленіе миссіи и на семимѣсячное содержаніе ея въ пути и въ Хивѣ было назначено 5,000 червонцевъ (7), въ томъ числѣ по 50 червонцевъ въ мѣсяцъ агенту на содержаніе, 700 червонцевъ на подарки и 989 на экстраординарные расходы. Данилевскій былъ снабженъ различными подарками, въ числѣ которыхъ заключалась коляска съ парю лошадей и золоченою

сбруею, назначенная отъ высочайшаго двора хану — предметъ давнишнихъ желаній Аллакула (8).

Отправляя Данилевскаго въ Хиву, Перовскій счелъ необходимымъ сообщить министерству иностранныхъ дѣлъ свои соображенія относительно предстоящихъ переговоровъ съ хивинскимъ владѣльцемъ о средне-азіатской торговлѣ нашей, изложенныя въ особой запискѣ. Несмотря на устарѣлость нѣкоторыхъ взглядовъ, изложенныхъ въ запискѣ, она тѣмъ не менѣе представляетъ интересъ, какъ статистическій очеркъ нашей торговли съ Тураномъ въ періодъ до сороковыхъ годовъ (9). Министерство же иностранныхъ дѣлъ съ своей стороны снабдило Данилевскаго двумя инструкціями.

Первая инструкція излагала цѣль и ходъ переговоровъ, которые предполагалось вести съ хивинскимъ ханомъ. Содержаніе ея довольно уже разнилось отъ инструкціи, данной капитану Никифорову въ подобномъ же случаѣ (10), а именно: переговоры по инструкціи Данилевскаго должны были имѣть главною цѣлію укрѣпленіе хана въ довѣріи къ безкорыстнымъ видамъ Россіи и въ утвержденіи въ Хивѣ нашего нравственнаго вліянія; поэтому агенту предписывалось озаботиться преимущественно объясненіями по установленію постоянной пошлины на русскіе товары въ Хивѣ не выше 5% и отложить, впредь до усмотрѣнія, разрѣшеніе вопроса объ опредѣленіи предѣловъ вліянія хивинцевъ въ киргизской степи — статья, какъ извѣстно, послужившая Никифорову камнемъ преткновенія при переговорахъ съ Аллакуломъ. Но если бы обстоятельства были таковы, что Данилевскій нашелъ бы удобнымъ высказаться и по послѣднему вопросу, то инструкція разрѣшала ему опредѣлить нашу южную границу по рѣкѣ Сырь-Дарьѣ, сѣверному берегу Арала и сѣверному свѣсу Усть-Урта. Въ заключеніе предлагалось согласить хана на принятіе въ Хивѣ нашего постоянного агента, съ тѣмъ, чтобы на первое время онъ пріѣзжалъ въ Хиву хотя временно съ караванами.

Вторая инструкція касалась освобожденія изъ плѣна персидскихъ невольниковъ, столь многочисленныхъ въ Хивѣ (11).

Несмотря на всѣ старанія персидскаго правительства, оно ничего не могло сдѣлать для своихъ несчастныхъ подданныхъ, томившихся въ рабствѣ, и потому, какъ только открылись сношенія Россіи съ Хивою, шахъ немедленно обратился съ прось-

бою къ нашему правительству: похлопотать чрезъ нашихъ агентовъ въ Хивѣ объ освобожденіи плѣнныхъ персіянъ.

Изъ переговоровъ Никифорова мы видѣли, что онъ и не поднималъ вопроса о персіянахъ, а между тѣмъ шахъ, потерявъ терпѣніе, началъ готовиться къ войнѣ, и только соединенныя усилія русскаго и англійскаго посланниковъ въ Тегеранѣ заставили шаха повременить военными дѣйствіями и послать въ Хиву, въ качествѣ посланника, Могамедъ-Али-хана, придавъ къ нему чиновника англійской миссіи Томсона.

Имѣя въ виду содѣйствовать дружественной державѣ при переговорахъ ея въ Хивѣ, правительство наше поручало Данилевскому: разъяснить хану всю неблаговидность его дѣйствій въ захватѣ персіянъ и склонить Аллакула къ освобожденію хотя части рабовъ и къ посылкѣ въ свою очередь хивинскаго посланника въ Персію, при чемъ агенту разрѣшалось снабдить этого посла письмомъ къ нашему полномочному министру въ Персіи, графу Медему.

Относительно сношеній съ Томсономъ инструкция говорить: „Не менѣе дружественное обращеніе (т. е. не менѣе, чѣмъ съ персидскимъ посланникомъ) будете вы имѣть и съ англійскимъ чиновникомъ Томсономъ, который, на основаніи данныхъ ему инструкцій, имѣетъ *исключительно* порученіе стараться объ устройствѣ дѣла о персидскихъ невольникахъ, которому поставлено въ непрѣмѣнную обязанность совѣщаться по этому дѣлу съ руссійскимъ агентомъ въ Хивѣ и дѣйствовать совокупно съ нимъ, и которому *положительно воспрещено* вмѣшиваться въ переговоры нашего агента съ ханомъ по дѣламъ, до Россіи касающимся“.

Далѣе инструкция еще разъ повторяетъ агенту, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не допускалъ Томсона вмѣшиваться въ дѣла наши съ Хивою „ибо государь императоръ не желаетъ имѣть посредниковъ въ дѣлахъ, касающихся собственно до Россійской имперіи“.

Кромѣ инструкцій, Данилевскій былъ снабженъ грамотою отъ высочайшаго имени и письмомъ вице-канцлера, а также письмомъ отъ оренбургскаго губернатора къ хану (12).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ какъ члены миссіи, такъ и хивинскій посланецъ со свитою собрались въ Оренбургъ, и Данилевскій началъ дѣятельно готовиться къ путешествію въ Хиву, куда миссія наконецъ и выступила 1-го августа.

Но прежде чѣмъ продолжать описаніе дѣйствій Данилевскаго, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ. Во время поѣздки въ Хиву Данилевскому было 40 лѣтъ. Воспитаніе онъ получилъ домашнее и въ 1818 году поступилъ на службу юнкеромъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ. Дальнѣйшая служба его, пройденная съ замѣчательнымъ отличіемъ въ кампаніи 1828 и 1829 годовъ, въ Турціи, и въ 1831 году, въ Польшѣ, продолжалась тоже въ кавалеріи; въ 1837 году, уже въ чинѣ подполковника онъ былъ назначенъ для особыхъ порученій къ командиру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, генералъ-адъютанту Перовскому. Служа здѣсь, онъ совершилъ нѣсколько экспедицій въ Киргизскую степь и между прочимъ участвовалъ въ походѣ на Хиву въ 1839 году. Данилевскій обладалъ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній о Хивѣ и о степи, и по своей натурѣ представлялъ личность совершенно противоположную Никифорову. Долго бывъ адъютантомъ, а потомъ состоя въ блестящей свитѣ Перовскаго, Данилевскій былъ человѣкъ свѣтски-образованный, уклончивый, служилъ весьма виднымъ украшеніемъ гостиныхъ и, при замѣчательномъ дарѣ слова и ловкости обращенія, годился бы въ агенты при европейской державѣ.

Выступивъ изъ Оренбурга, миссія направилась черезъ Эмбу, Усть-Уртъ, вдоль западнаго берега Аральскаго моря, и послѣ 43-дневнаго похода вступила въ предѣлы ханства, гдѣ и была встрѣчена почетнымъ чиновникомъ съ 300 всадниками, высланными Аллакуломъ для привѣтствованія агента. Слѣдуя черезъ Куня-Ургенчъ, агентъ дошелъ до Ташауса и тамъ получилъ письмо отъ мяхтера, которымъ послѣдній просилъ агента подождать нѣсколько въ Ташаусѣ, по случаю пребыванія хана съ войскомъ въ предѣлахъ Бухары.

Остановка однакожь продолжалась недолго: 17-го октября миссія, по приглашенію присланнаго отъ хана чиновника, двинулась въ Хиву и, пройдя этотъ городъ, 19-го числа остановилась въ одномъ изъ загородныхъ ханскихъ дворцовъ. Ханъ находился еще въ Бухарѣ и только 29-го числа возвратился домой. На другой день онъ прислалъ поздравить агента съ пріѣздомъ и извинялся, что по усталости не можетъ еще сдѣлать пріема; но когда Данилевскій выразилъ, что онъ надѣялся въ тотъ же день видѣть хана, то приглашеніе на аудіенцію послѣдовало вечеромъ въ тотъ же день.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, хану были вручены чрезъ посредство мяхтера высочайшая грамота и письма и поднесены подарки, изъ которыхъ онъ особенно остался доволенъ коляской (13). Уклонившись на этотъ разъ отъ подробныхъ объясненій, агентъ получилъ приглашеніе назначать по своему усмотрѣнію дни аудіенцій, давая только каждый разъ знать о томъ хану черезъ мяхтера. Слѣдующій день былъ посвященъ знакомству съ сановниками и раздачѣ имъ подарковъ.

По болѣзни Аллакула, второе свиданіе съ ханомъ состоялось только 10-го ноября, и конференція продолжалась около четырехъ часовъ. Агентъ выразилъ хану удивленіе нашего правительства, что переговоры, веденные Никифоровымъ, не достигли желаемого результата и что только влѣдствіе повторительныхъ увѣреній хивинскихъ посланцевъ о желаніи хана жить въ дружбѣ съ Россіею государь повелѣлъ продолжать начатые переговоры. Затѣмъ хану были объяснены наши условія.

Главнѣйшія возраженія, сдѣланныя на предложенія Данилевскаго Аллакуломъ, состояли въ томъ, что онъ требовалъ, чтобы къ каждому пункту договора было добавлено, что и Россія съ своей стороны обязывается на тѣ же самыя условія, которыя въ немъ заключаются, и во-вторыхъ въ домогательствѣ, чтобы пошлина была взимаема въ Россіи съ хивинскихъ торговцевъ по 5% съ цѣнности товаровъ, какъ это дѣлается въ Хивѣ съ русскихъ купцовъ.

На опроверженіе агента противъ замѣчаній по первому пункту ханъ отвѣчалъ: „я сказалъ уже, что желаю быть въ дружбѣ съ Россіею, и докажу это, а потому соглашаюсь на ваши слова“. Разсужденія же по второму вопросу ханъ просилъ отложить до слѣдующаго засѣданія, и когда агентъ замѣтилъ, что отсрочка эта не измѣнитъ нашихъ предложеній, ханъ отвѣчалъ: „хорошо, я не буду брать съ вашихъ товаровъ большей пошлины, какъ по 5%; но пусть же російскій императоръ узнаетъ о ходатайствѣ моемъ насчетъ моихъ купцовъ“.

Такъ кончилось свиданіе, на которомъ присутствовали, не принимая однакожъ никакого участія въ переговорахъ, мяхтеръ и ходжа-мяхремъ. Послѣ этого свиданія, Данилевскій сдѣлалъ въ своихъ запискахъ слѣдующую отмѣтку: „Вообще всѣ замѣчанія и отвѣты Аллакула показывали самобытность въ

мнѣніяхъ, сметливость соображенія и весьма много здравого смысла; а желаніе пріобрѣсти пріязнь Россіи просвѣчивалось даже и въ самыхъ возраженіяхъ его. Его осанка, звукъ голоса и хладнокровіе, съ какимъ онъ велъ переговоры, не лишены были нѣкотораго достоинства и даже привлекательности“. Къ сожалѣнію, это свиданіе съ Аллакуломъ было послѣднее: 23-го ноября, послѣ тяжелой болѣзни, онъ умеръ. 25-го того же мѣсяца, сынъ его Рахимъ-кули-Инахъ вступилъ на ханство.

Послѣ похоронъ, переговоры возобновились съ новымъ ханомъ, который для этого назначилъ, подѣ своимъ предсѣдательствомъ, особый комитетъ, и длились до 27-го декабря.

Результатомъ такихъ длинныхъ объясненій было наконецъ составленіе обязательнаго со стороны Хивы акта въ девяти пунктахъ, изъ которыхъ каждый, а въ особенности седьмой, оспаривался ханомъ и его совѣтниками въ нѣсколькихъ конференціяхъ.

Обязательный актъ заключалъ слѣдующее:

„Во имя Всемогущаго и милосердаго Бога.

„Отъ владѣтельнаго харезмскаго шаха, высокостепеннаго Рахимъ-кули-хана, данъ настоящий актъ въ томъ, что, имѣя искреннее желаніе пребывать въ постоянномъ мирѣ и тѣсной дружбѣ съ пресвѣтлою и могущественною Россійскою имперіею, упрочивать пріязненныя съ нею связи и соблюдать во всей строгости правила миролюбивыхъ и добрыхъ сосѣдей, мы обязуемся за себя самихъ, за нашихъ преемниковъ и потомковъ и за всѣ подвластныя намъ племена:

1) Отнынѣ впредь не предпринимать никакихъ явныхъ, ни тайныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи.

2) Не производить и не потворствовать грабежамъ, разбоямъ и захватамъ ни въ степи, ни на Каспійскомъ морѣ, и въ случаѣ, если бы таковыя грабежи произведены были подвластными Хивѣ племенами, то предавать виновныхъ немедленному наказанію, а ограбленное имущество возвращать по принадлежности.

3) Не держать въ неволѣ русскихъ плѣнныхъ и отвѣтствовать за всякую безопасность и за сохранность имущества всякаго російскаго подданнаго, могущаго быть въ хивинскомъ владѣніи.

4) Въ случаѣ смерти въ хивинскихъ владѣніяхъ російскаго подданнаго, отпускать въ цѣлости оставшееся послѣ него иму-

щество российскому пограничному начальству, для передачи его наследникамъ.

„5) Не допускать бѣглецамъ и мятежникамъ изъ российскихъ подданныхъ укрываться въ хивинскихъ владѣніяхъ, но выдавать ихъ российскому пограничному начальству.

„6) Съ товаровъ, привозимыхъ российскими купцами въ хивинскія владѣнія, взимать пошлину единожды въ годъ и не свыше пяти процентовъ съ дѣйствительной цѣны оныхъ.

„7) Съ товаровъ, принадлежащихъ российскимъ купцамъ и отправляемыхъ въ Бухару или въ другія азіатскія владѣнія черезъ рѣку Сыръ, или съ привозимыхъ симъ путемъ обратно, никакихъ пошлинъ не брать.

„8) Не дѣлать никакихъ препятствій караванной торговлѣ азіатскихъ владѣній съ Россійскою имперією, взимая однако съ нихъ по закону зякетъ.

„9) Поступать вообще во всѣхъ случаяхъ, какъ подобаетъ добрымъ сосѣдямъ и искреннимъ пріятелямъ, дабы болѣе и болѣе упрочить дружественныя связи съ могущественною Россійскою имперією.

„Въ удостовѣреніе чего мы утвердили сей актъ нашею золотою печатью и вручили оный уполномоченному со стороны могущественной Россійской имперіи, высокородному подполковнику Данилевскому. Данъ въ 1258 году эгиръ, въ мѣсяцъ мухарремъ.“

На копіи съ этого акта, переданной хану, была сдѣлана нашимъ агентомъ слѣдующая надпись:

„Получивъ для доставленія Его Императорскому Величеству великому императору и самодержцу всероссийскому вышеназначенный актъ отъ высокостепеннаго владѣтеля хивинскаго Рахимъ Кули-хана, я, на основаніи даннаго мнѣ уполномочія, удостовѣряю симъ, что, во взаимство постановленныхъ въ томъ актѣ условій, могущественная российская держава:

1) Предастъ совершенному забвенію прежнія непріязненныя противъ нея дѣйствія хивинскихъ владѣтелей.

2) Отказывается отъ требованія уплаты за разграбленные до сего времени караваны.

3) Обѣщаетъ совершенную безопасность и законное покровительство пріѣзжающимъ въ Россію хивинскимъ подданнымъ.

4) Предоставляетъ въ своихъ владѣніяхъ хивинскимъ тор-

говцамъ всѣ преимущества, коими пользуются купцы другихъ азіатскихъ владѣній.

„Такое дѣлаемое мною удостовѣреніе подтверждено будетъ письменно доблестнымъ и высокомоющимъ российскимъ государственнымъ вице-канцлеромъ отъ высочайшаго имени Его Императорскаго Величества государя императора и самодержца всероссийскаго. Точное же соблюденіе, со стороны высокостепенныхъ хивинскихъ владѣтелей, постановленныхъ въ вышепрписанномъ актѣ условій будетъ обезпечено личностію и собственностію хивинскихъ подданныхъ, могущихъ находиться въ Россійской имперіи. Данъ въ Хивѣ, декабря 29-го дня 1842 года.“

Впослѣдствіи на этомъ актѣ вице-канцлеромъ была сдѣлана слѣдующая надпись:

„Нынѣ Его Императорское Величество, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь императоръ и самодержецъ всероссийскій, по разсмотрѣніи сихъ взаимно-постановленныхъ основаній пріязни и сосѣдственныхъ сношеній, удостоилъ оныя высочайшаго одобренія и соизволилъ мнѣ повелѣть: подтвердить письменно отъ августѣйшаго имени Его Императорскаго Величества, что условія, объявленные полковникомъ Данилевскимъ и значащіяся въ вышеприведенныхъ четырехъ статьяхъ надписи его, будутъ со стороны могущественной Россійской имперіи въ точности выполняемы дотолѣ, доколѣ владѣльцы хивинскіе и подвластные имъ племена будутъ свято и ненарушимо соблюдать условія, изложенныя въ актѣ высокостепеннаго Рахимъ-кули-хана.

„Въ удостовѣреніе чего, по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, написанъ настоящій подтвердительный актъ, за собственноручнымъ моимъ подписомъ и съ приложеніемъ печати министерства иностранныхъ дѣлъ, и врученъ хивинскому посланцу, почетному минбаши Магомедъ-Емину, для доставленія высокостепенному владѣльцу Хивы. Данъ въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ, іюня 30-го дня 1843 года.“

Таковъ былъ актъ, которымъ устанавливались отношенія наши къ Хивѣ. Трудно себѣ представить что-нибудь еще скромнѣе тѣхъ требованій, которыя были заявлены такою державою, какъ Россія, своему ничтожному сосѣду. Даже противники наши на западѣ, всегда ратующіе противъ какого-то преобладанія Россіи въ Туранѣ, не могли бы, конечно, составить болѣе справедливыхъ требованій, чѣмъ высказанныя Данилевскимъ.

Независимо отъ обязательнаго акта, агентъ нашъ сильно хлопоталъ объ освобожденіи изъ Хивы персидскихъ плѣнниковъ хотя въ числѣ 1,500; но, къ сожалѣнію, всѣ его по этому предмету вразумленія хану были бесполезны. Аллакулъ, по совѣту сановниковъ, рѣшился только на освобожденіе родственника мешедскаго правителя Могамедъ-вали-хана, утверждая, что возвращеніе этого плѣннаго будетъ имѣть въ глазахъ персидскаго правительства болѣе цѣны, чѣмъ освобожденіе 5,000 человекъ.

Вообще, какъ пишетъ Данилевскій, конференціи по переговорамъ происходили отъ 4 до 6 разъ въ недѣлю, и обязательный актъ былъ переписываемъ, послѣ всякаго засѣданія, по крайней мѣрѣ до 20 разъ, и только 27-го декабря былъ скрѣпленъ ханскою печатію въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ былъ предложенъ агентомъ съ самаго начала переговоровъ. Обмѣнъ дипломатическихъ документовъ произошелъ вечеромъ того же числа, въ присутствіи всѣхъ членовъ ханскаго совѣта и ханскаго дяди Рахманъ-берды-бія.

Относительно представленій агента, чтобы Рахимъ-кули воздержался отъ слишкомъ дальнаго распространенія своего вліянія въ степь, ханъ отвѣчалъ всегда: „что онъ будетъ поступать такъ, чтобы не навлечь на себя неудовольствія нашего правительства“. Что касается личныхъ отношеній хана къ агенту, то они были очень хороши, и агентъ во время своихъ посѣщеній всегда приглашался сѣсть. Съ сановниками Данилевскій тоже умѣлъ сойтись, и кромѣ официальныхъ визитовъ они были даже у агента на большомъ ужинѣ, съ фейерверкомъ, за исключеніемъ кушъ-бегія, который, не сдѣлавъ визита агенту, не былъ и приглашенъ имъ на ужинъ. Въ свою очередь и агентъ былъ угощаемъ не разъ зваными обѣдами.

На прощанье, какъ водится, чины миссіи получили подарки деньгами, такъ что, считая все вмѣстѣ, содержаніе миссіи обошлось хивинскому правительству на наши деньги въ 12,300 рублей ассигнаціями.

Прощальная аудіенція Данилевскаго происходила 30-го декабря, при чемъ ханъ долго уговаривалъ агента завесновать въ Хивѣ или избрать прежній путь въ Россію, т. е. черезъ Таашусъ и Куна-Ургенчъ; но агентъ настоялъ на немедленномъ отправленіи, и, притомъ, черезъ сѣверную часть хивинскихъ владѣній, которой Данилевскій еще не видалъ.

31-го декабря миссія, послѣ 3½ мѣсяцевъ пребыванія въ ханствѣ, выступила изъ Хивы и, слѣдуя черезъ Кунградъ и Акъ-Булакъ, 11-го февраля прибыла благополучно въ Илецкую Защиту. Миссію сопровождалъ и новый хивинскій посланецъ Магомедъ-Еминъ, со свитою изъ 12 человекъ, назначенный ханомъ для принесенія благодарности государю за его милостивое расположеніе къ Хивѣ.

Результатами миссіи Данилевскаго были: генеральная карта Хивинскаго ханства (масштабъ 50 верстъ въ англійскомъ дюймѣ); специальная карта населенной части западной долины Аму-Дарьи, 10 верстъ въ дюймѣ; оро-гидрографическая карта населенной части Хивинскаго ханства, 10 верстъ въ дюймѣ; глазо-мѣрная съемка пройденныхъ путей въ ханствѣ, 2 версты въ дюймѣ. Кромѣ того Данилевскій составилъ весьма обстоятельное статистическое описаніе ханства, которое, вмѣстѣ съ сочиненіемъ о Хивѣ бывшаго съ Данилевскимъ Базинера, служить до сихъ поръ лучшимъ руководствомъ для знакомства съ этимъ государствомъ Турана (14). Расходы нашей казны на миссію Данилевскаго составляли около 3,759 червонцевъ (15).

По прибытіи въ Оренбургъ, хивинскій посланецъ былъ встрѣченъ съ особымъ почетомъ и 22-го апрѣля, со свитою изъ 5 человекъ, отправленъ въ Петербургъ, куда прибылъ 13-го мая. Посланецъ, какъ водится, привезъ письма отъ хана и сановниковъ, а равно разные подарки, въ видѣ ковровъ, хивинскихъ матерій и проч.

Довольное заключеніемъ акта, правительство наше ласково встрѣтило посла въ Петербургъ, богато одарило его и, снабдивъ значительными подарками хану и хивинскимъ министрамъ, также грамотою и письмами (16), отправило посла въ Оренбургъ, куда онъ прибылъ 4-го августа. При этомъ слѣдуетъ еще сказать, что, вступивъ въ дружескія сношенія съ Россіею, хивинскій ханъ старался на первое время поступать во всемъ по правиламъ добраго сосѣдства, и потому, въ бытность еще въ Петербургъ своего посла, адресовалъ къ нему письмо, для передачи русскому правительству, о своихъ побѣдахъ и событіяхъ въ Средней Азіи, въ которомъ, между прочимъ, ходатайствовалъ у государя о присылкѣ въ Хиву двухъ артиллеристовъ, которые никогда не даютъ промаховъ, стрѣляя въ цѣль. Извѣстія эти были приняты нашимъ правительствомъ съ признательностію, а на просьбу объ артиллеристахъ разрѣшенія не послѣдовало (17).

24-го сентября, достаточно нагруженный подарками, почтенный Магомедъ-Еминъ выступилъ изъ Оренбурга, въ обратный путь въ Хиву. Содержаніе его со свитою и переѣзды въ Россіи обошлись въ 3,800 р. сер.

Такъ кончились наши несогласія съ Хивою. [Актъ подписанъ, сосѣдственныя дружескія отношенія возстановлены, визиты пословъ сдѣланы, подарки ханъ получилъ съ изобиліемъ—чего же болѣе? Забыто было только одно, именно то, что святости договоровъ Хива въ европейскомъ смыслѣ вовсе не понимаетъ; актъ для нея былъ не болѣе какъ мертвая буква, а единственнаго права Россіи—ея силы—она не признавала, да при тогдашнемъ нашемъ положеніи въ степи и сознать не могла. Въ слѣдующихъ же 1843 и 1844 годахъ мы видимъ Хиву въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ извѣстнымъ мятежникомъ, котораго мы преслѣдовали всѣми силами, Кенисарою; въ 1845 году эмисары хивинскіе дѣйствуютъ на Сырѣ, а въ южной части западной нашей степи входятъ въ сношенія съ извѣстнымъ впоследствии разбойникомъ Исетомъ Кутебаровымъ. Въ 1848 году опустошающія шайки хивинцевъ являются на устьяхъ Сыра подъ самыми стѣнами вновь возведеннаго нами укрѣпленія Раима (Аральское), а диванъ-беги хивинскій преспокойно пишетъ предписанія нашимъ киргизамъ, кочующимъ за Эмбой, чтобы они во всемъ повиновались Исету Кутебарову. Въ 1852 году дѣло дошло до того, что Перовскій уже предлагаетъ кушбегію и мяхтеру хивинскимъ 200 червонцевъ за выкупъ семейства подвластнаго намъ, управлявшаго чеумекеевцами, султана Ирмухамеда Касимова, а въ 1858 году нашъ агентъ въ Хивѣ, полковникъ (нынѣ генераль-адъютантъ) Игнатьевъ, тщетно ссылагается въ своихъ переговорахъ на актъ Данилевскаго и получаетъ отвѣтъ отъ хивинцевъ, что они содержанія этого акта не помнятъ и при всѣхъ розыскахъ не нашли даже и слѣда его въ своихъ канцеляріяхъ.

Таковъ былъ результатъ нашихъ взаимныхъ основаній пріязни и сосѣдственныхъ сношеній съ Хивою въ сороковыхъ годахъ; таковъ былъ онъ и въ 1858 году, послѣ переговоровъ Игнатьева, и, вѣроятно, такимъ же останется и на будущее время, до тѣхъ поръ, пока мы осязательно не заставимъ Среднюю Азію сознать нашу силу.

Н. ЗАЛѢСОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ СТАТЬѢ:

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ ПОДПОЛКОВНИКА ДАНИЛЕВСКАГО.

(1) Рапортъ Никифорова Перовскому, 8-го ноября, № 10. Архивъ канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора.

(2) Рапортъ пограничной комисіи Перовскому, 16-го декабря, № 20,689. Архивъ канцеляріи военнаго губернатора.

(3) *Письмо къ графу Нессельроде.*—Убѣжище министровъ, предсѣдатель всеуправляющаго главнаго петербургскаго суда, главный изъ министровъ Его Императорскаго Величества, добродѣтельный и доброжелательный графъ Нессельродъ! Послѣ того, какъ превозсокою благорасположительностію, да будетъ въдомо, что препровожденное съ почтеннымъ муллою Мухаммедъ-Шарифомъ и высокостепеннымъ капитаномъ Никифоровымъ письмо твое здѣсь получено. Изъ содержанія его мы узнали, что ты очень заботился о водвореніи между двумя державами прежней дружбы и пріязни. Если двугосударства будутъ по прежнему согласны между собою, то дѣйствительно это будетъ причиною спокойнаго и мирнаго житія ихъ подданныхъ. Изъ взаимнаго согласія и мира произойдетъ благополучіе обѣихъ державъ. Итакъ, я совершенно изгналъ изъ сердца своего всю бывшую между нами вражду и злобу. Когда вышеупомянутыя лица исполнили посольскіе обряды и пожелали возвратиться въ свое отечество, тогда мы, разрѣшивъ ихъ на обратное слѣдованіе, присоединили къ нимъ высокостепенныхъ: Ваисъ-Ниязъ-Бая и Ишбая, которые все то, что сказано имъ изустно, объясняютъ приличномъ свиданіи. Это высокое письмо (да дастся ему вѣра) написано въ благословленномъ мѣсяцѣ рамаданѣ 1257 г. (въ октябрѣ мѣсяцѣ 1841 года).

Письмо къ государю императору.—Да будетъ открыто пресвѣтлomu сердцу достославнаго, всѣми почитаемаго и любимаго высокостепеннаго, великаго всероссійскаго императора, что благословенное высокое существо наше, благодаря Бога, благополучно пребываетъ на царственномъ престолѣ. Подданные наши, чудесное Божіе твореніе, наслаждаясь подъ сѣнію правосуднаго нашего правленія совершеннымъ счастьемъ, молятся о вѣчномъ нашемъ благополучіи и отвращеніи отъ насъ скорби и непріятностей. Нынѣ дошли до насъ слухи, что войско англичанъ, преисполненныхъ соблазна, идетъ на Гератъ. Для собранія объ этомъ достовѣрныхъ свѣдѣній мы отправили туда нарочнаго. А такъ какъ теперь наступило уже весеннее время, самое удобное для похода и благопріятное для всякаго движенія войскъ, то мы, какъ для общей пользы нашихъ подданныхъ, такъ и для произведенія между ими суда и расправы, почли необходимымъ назначить къ отправленію въ Мервъ опору свою, поборника славы горизонта, царственнаго столпа Инаха Рахманъ-Кула, котораго передовые люди и птицеловная охота уже посланы, а вслѣдъ

затѣмъ и самого его въ скоромъ времени со славою отпустимъ. Крѣпкое основаніе взаимной дружбы и необходимое условіе обоюд-
ной пріязни требуютъ того, чтобы обо всемъ другъ друга увѣдом-
ляли, почему мы и рѣшили отправить къ Вашему Величеству на-
шего довѣреннаго Ишніязъ-Бая, который объяснить вышеизложенныя
обстоятельства и потомъ, собравъ по онымъ надлежащія свѣдѣнія,
возвратится къ намъ. Это дружественное письмо написано въ 1257
году (1841 г.).

Оренбургскому военному губернатору. — Мы, побѣдоносный отецъ
побѣждающихъ и побѣжденныхъ, ховарезмскій шахъ, слово наше:
почтенному и уважаемому предсѣдателью оренбургскаго суда и гу-
бернатору:

Съ полученіемъ сего высочайшаго посланія да будетъ вѣдомо,
что отправленное отъ искренности и приверженности съ высокосте-
пеннымъ капитаномъ Никифоровымъ и товарищемъ его представ-
леніе твое чрезъ придворныхъ нашихъ, будучи внесено въ велико-
лѣпный нашъ дворецъ, было представлено правителями дѣлъ нашему
вдохновенному усмотрѣнію, и объявлено нашему сердцу его содер-
жаніе. Послѣ того, какъ высокостепенный и доброжелательный по-
солъ Его Императорскаго Величества исполнилъ обряды посольства
и просилъ себя увольненія, мы, разрѣшивъ его на обратное слѣдо-
ваніе, для того, чтобы онъ имѣлъ въ себѣ радость, признали за нуж-
ное, согласно съ нашимъ царскимъ величіемъ, превознести главу его
нашею царскою благосклонностію и отличить его нашимъ царскимъ
вниманіемъ. Это высокое письмо любезно писано въ благословенномъ
мѣсяцѣ рамаданѣ.

Оренбургскому военному губернатору отъ мяхтера. — Да будетъ
ясно и свѣтло сердцу почтеннаго, уважаемаго и высокомѣстнаго
оренбургскаго военного суда предсѣдателя (т. е. губернатора), что
отправленное съ высокостепеннымъ, приближеннымъ учености Мухам-
медъ-Шарифомъ и капитаномъ Никифоровымъ дружественное письмо
здѣсь получено, изъ котораго мы, ко всеобщей радости, увидѣли, что
давнишнее желаніе наше къ восстановленію между двумя державами
по прежнему правилъ дружбы и взаимной пріязни наконецъ испол-
нилось. Послѣ того, какъ упомянутыя два лица были представлены
нами къ солнцу блещущему присутствію ховарезмскаго шаха (да
предадутся ему въ жертву души наши) и милостиво имъ, уподоб-
ляющемуся мѣстностію Александру Великому, а славою Соломону
премудрому, приняты, они изъявили желаніе къ обратному слѣдо-
ванію въ свое отечество. Согласившись въ этомъ съ ними, мы, по
правамъ чистой дружбы и нелицемѣрной пріязни, почли необходи-
мостью представить свои чувства въ семъ дружественномъ письмѣ,
присовокупляя, что мы, всегда пребывая въ присутствіи харезмскаго
шаха (да предадутся ему въ жертву души наши), только и думаемъ
о величій и славѣ его, да о благоденствіи его подданныхъ; а потому
всевозможными средствами старались и стараемся къ соединенію
двухъ державъ узами ненарушимой дружбы, неразрывной пріязни,
возбранія враждъ и злобъ всякій доступъ къ пречистому сердцу его
величества и сохраняя тѣмъ въ совершенной чистотѣ и дружествен-
номъ согласіи привязанность его къ вашему государю императору,

Если и вы съ своей стороны не оставите употреблять зависящія
мѣры къ подкрѣпленію взаимнаго согласія, то есть надежда, что
два народа и двѣ державы сольются воедино, и тогда подданные
обоихъ государствъ, будучи въ тишинѣ и спокойствіи, принесутъ
неизсеченныя выгоды своимъ государямъ.

Генсу отъ мяхтера. — Да будетъ свѣтло и ясно любезному
сердцу почтеннаго и всемогущаго приближеннаго величія и славы, само-
державнаго и всемилостиваго великаго государя императора, муллы
Мухамедъ-Шарифъ и капитанъ Никифоровъ, по прибытіи своемъ въ
солнцеблещущее присутствіе ховарезмскаго шаха, уподобляющагося
славою и мѣстностію Александру Великому, отъ побѣдителей и по-
бѣжденныхъ (да предадутся ему въ жертву души наши), воспользо-
вались при золотомъ порогѣ его должною почестію и надлежащимъ
вниманіемъ и изъявили желаніе къ обратному слѣдованію, на что и
получили разрѣшеніе. При чемъ его величество изволили повелѣть
отправить вмѣстѣ съ ними къ присутствію Его Императорскаго Вели-
чества послами — высокопочтенныхъ и высокостепенныхъ Ваисъ-
Ніязъ-Бая и Ишбая, для засвидѣтельствованія обязанностей дружбы и
условій пріязни. Писавъ это дружественное письмо, присовокупля-
емъ, что мы, находясь всегда въ присутствіи харезмскаго шаха,
печемся о согласномъ и мирномъ житіи двухъ государствъ такъ,
чтобы подданные обѣихъ державъ, пребывая въ тишинѣ и мирѣ, до-
ставляли обоимъ государствамъ должныя выгоды. Если вы съ своей
стороны также будете по возможности заботиться о выгодахъ обо-
ихъ народовъ, чтобы обѣ державы были по прежнему въ тѣсной
связи дружества и неразрывной пріязни, то нѣтъ сомнѣнія, что оба
народа и обѣ державы, укрѣпляя время отъ времени согласіе и при-
вязанность другъ къ другу, пребудутъ до всеобщаго воскресенія въ
ненарушимой дружбѣ и неразрывной пріязни. О всемъ остальномъ,
что сказано изустно, вышеупомянутыя лица объяснятъ при личномъ
свиданіи. Дружественное это письмо написано съ тѣмъ, чтобы ему
дана была полная вѣра. — На оборотѣ снизу приложена печать мяхтера
Якуба Юсуфова.

(4) Отзывъ графа Нессельроде къ начальнику штаба оренбург-
скаго корпуса отъ 7-го мая. № 1.275. Архивъ канцеляріи военного
губернатора.

(5) Содержаніе высочайшей грамоты было слѣдующее:

Обладателю Хивы, высокостепенному Аллахъ-кули-хану, наша
Императорскаго Величества благопріязнь и доброе привѣтствіе. По-
сланникъ вашъ Веизъ-Ніязбай, по прибытіи въ столицу, былъ намъ,
великому государю, представленъ и поднесъ грамоту вашего высоко-
степенства. Содержаніе оной, а также изустныя увѣренія послан-
ника и вообще ваши дѣйствія убѣждаютъ насъ въ искреннемъ и
неизмѣнномъ стремленіи вашемъ сохранять и утверждать пріязнен-
ную связь между Россійскою державою и подвластными вамъ обла-
стями. Такія благія намѣренія совершенно соотвѣтствуютъ нашимъ
желаніямъ и принесутъ хивинскимъ владѣніямъ несомнѣнную пользу.
Нынѣ съ благоволеніемъ отпускаю обратно вашего посланника, из-
вѣщаемъ васъ, что мы признали за благо отправить къ вамъ до-

вѣренное отъ насъ лицо, коему поручили войти съ вами въ объясненіе по тѣмъ предметамъ, которые должны служить основаніемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ дружественныхъ связей между Россійскою имперіею и Хивіею. Засимъ желаемъ вамъ всякаго счастья. Сія наша императорская грамота дана въ столичномъ нашемъ городѣ Санктпетербургѣ, апрѣля 25-го дня 1842 года, царствованія же нашего въ семнадцатое лѣто.

(6) Предписаніе Перовскаго Данилевскому отъ 7-го февраля 1842 года, № 126. Арх. канц. воен. губери.

(7) Отзывъ Нессельроде къ Перовскому 29-го апрѣля, № 1,124. Арх. канц. воен. губери.

(8) Отзывъ азіатскаго департамента 25-го мая, № 32. Арх. канц. воен. губери. Подарки назначены были слѣдующіе:

Хану хивинскому—коляска четырехмѣстная съ фордекомъ. Пара хомутовъ со всѣмъ приборомъ накладнаго серебра и съ позолотою.

Сыну хана отъ имени государя наследника — столовые бронзовые часы съ футляромъ. Стекланный колпакъ къ часамъ. Ружье двухствольное съ приборомъ. Пара двуствольныхъ пистолетовъ съ приборомъ.

Хану отъ вице-канцлера — разныя вещи изъ разноцвѣтнаго хрусталя.

Мяхтеру и Куизъ-бегію отъ военного губернатора—по куску сукна и по три куска полумериносу.

Мяхтеру отъ директора азіатскаго департамента—3 куска шелковой матеріи и 10 кусковъ кисеи.

Диванъ-бегію отъ предсѣдателя пограничной комисіи—кусочекъ сукна.

Кромѣ сего въ распоряженіе Данилевскаго было предоставлено разныхъ вещей на 1,484 рубля 84 копѣйки.

(9) Отзывъ Перовскаго къ Нессельроде отъ 28-го апрѣля, № 326. Архивъ канцеляріи военного губернатора. Содержаніе записки слѣдующее:

I. Значеніе средне-азіатской торговли для Россіи.

Средне-азіатская торговля наша, по обширности границы, на которой она производится, и характеру рынка, представляемаго ею для Россіи, заслуживаетъ несомнѣнно особеннаго вниманія, какъ важное и главное средство для развитія капиталовъ въ малопромышленныхъ и бѣдныхъ восточныхъ губерніяхъ нашихъ и какъ способъ сбыта товаровъ, неимѣющихъ другаго стока.

II. Цѣли, которыхъ желательно достигнуть въ средне-азіатской торговлѣ.

По общимъ законамъ промышленности и характеру разсматриваемой торговли, въ особенности цѣлей, которыхъ желательно достигнуть въ ней, суть:

- 1) Возможно-большее развитіе оборотовъ.
- 2) Преимущественный вывозъ мануфактурныхъ произведеній нашихъ и ввозъ сырыхъ матеріаловъ.
- 3) Предоставленіе наибольшихъ выгодъ въ этой торговлѣ русскому купечеству.

III. Обстоятельства, благопріятствующія достиженію этихъ цѣлей.

При первомъ взглядѣ на Туранъ, самое географическое положеніе его содѣлываетъ, кажется, достиженіе вышеозначенныхъ цѣлей весьма легкимъ.

Удаленный отъ всѣхъ образованныхъ государствъ, отдѣленный даже отъ сосѣднихъ странъ, Персіи, Индіи и Китая, трудно проходимыми хребтами горъ, Туранъ представляетъ, повидимому, для Россіи рынокъ безсовѣстный. Жители его почти вовсе не имѣютъ мануфактурности; нѣкоторыя же племена издревле славились торговлю предпримчивостію и, слѣдовательно, могли бы составить дѣятельныхъ разнощиковъ фабричныхъ издѣлій нашихъ; наконецъ, народонаселеніе не богато капиталами и разбросано на ничтожныя владѣнія, почему и не могло, казалось бы, при преимуществахъ богатства и силы имперіи, препятствовать русскимъ купцамъ къ приобрѣтенію перевѣса въ среднеазіатской торговлѣ.

Сверхъ того, перевѣсъ этотъ долженствовалъ быть, повидимому, главнымъ и единственнымъ условіемъ усовершенствованія среднеазіатской торговли, такъ какъ только русское купечество можетъ расширить ее обращеніемъ большихъ капиталовъ и развитіемъ въ Азіи новыя потребности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства къ удовлетворенію ихъ, ибо азіатскіе промышленники, отважные въ поѣздахъ и путешествіяхъ своихъ, весьма не смѣлы въ закупкахъ и торговыхъ нововведеніяхъ.

IV. Обстоятельства, препятствующія достиженію означенныхъ цѣлей.

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла возникаютъ затрудненія, парализующія обстоятельства, которыя благопріятствуютъ съ перваго взгляда достиженію главныхъ цѣлей среднеазіатской торговли нашей.

Туранъ уже издревле находится въ промышленныхъ сношеніяхъ съ южными и восточными сосѣдями своими, и побѣдить силу привычки этой, завладѣть всею торговлею въ пользу Россіи не легко, въ особенности когда нужно соперничествовать съ промышленниками единовѣрными и почти единоплеменными среднеазіатцамъ.

Сверхъ того, развитіе пароходства и расширеніе англійскаго вліянія въ Азіи сближаетъ Туранъ съ европейскими мануфактурными производителями и открываетъ ему средства получать фабричныя издѣлія чрезъ Кабуль и Персію.

Кромѣ этого возможнаго соперничества чужихъ произведеній съ нашими мануфактурными продуктами, въ самой промышленности Турана встрѣчаются препятствія къ распространенію ихъ: среднеазіатцы не имѣютъ мануфактурности, но ремесленность между ними весьма значительна по простотѣ потребностей народа, издѣлія могутъ быть продаваемы весьма дешево, а постоянство вкусовъ азіатскихъ дѣлаетъ замѣнъ этихъ произведеній, хотя бы и лучшими, очень затруднительнымъ. Къ тому же замѣнъ сей лишилъ бы народъ значительной части его прибытковъ, а слѣдовательно въ скоромъ времени и возможности приобрѣтать наши продукты. Посему не только нельзя и не должно вытѣснять вдругъ и совершенно издѣлія туземной ремесленности на среднеазіатскихъ рынкахъ, но необходимо даже допускать ихъ въ Россію, такъ какъ, иначе, Туранъ не имѣлъ бы спосо-

богъ платить намъ за отправляемые въ него продукты и, следовательно, былъ бы принужденъ отказаться отъ значительной части ихъ.

По этимъ же самымъ причинамъ вредно было бы доставить купцамъ нашимъ рѣшительное преобладаніе въ среднеазиатской торговлѣ, такъ какъ они старались бы задавить туземную ремесленность и тѣмъ подорвать будущность всей торговли. Сверхъ того, преобладаніе это, вѣроятно, заставило бы вскорѣ самихъ азіятскихъ купцовъ отстать отъ дѣятельнаго оптоваго торговаго съ Россіею, а безъ содѣйствія ихъ, по опасностямъ пути и изувѣрству нѣкоторыхъ владѣній Турана, русскіе купцы не могли бы проникать во многія области; средства же наши къ обезпеченію безопасности торговцевъ хотя и несоразмѣрно больше ничтожныхъ силъ среднеазиатскихъ племенъ, но, по топографическому характеру Турана, употребленіе этихъ средствъ не всегда возможно съ успѣхомъ и выгодною.

V. Обзоръ мѣръ правительства относительно среднеазиатской торговли.

Такимъ образомъ, уравниваніе противорѣчащихъ потребностей и пользы среднеазиатской торговли соразмѣрно съ настоящими выгодами Россіи представляло и представляетъ трудную задачу для правительства.

Къ разрѣшенію въ ней подлежали три главныхъ вопроса:

- 1) Опредѣленіе правъ и преимуществъ по среднеазиатской торговлѣ въ Россіи подданныхъ и иностранцевъ.
- 2) Обезопасеніе слѣдованія каравановъ.
- 3) Опредѣленіе правъ и обязанностей русскихъ купцовъ въ среднеазиатскихъ владѣніяхъ.

Кромѣ мѣръ, по каждой изъ этихъ статей предпринятыхъ, возникало и было разсматриваемо множество предположеній.

Относительно первой статьи высочайшимъ указомъ 1739 года, 20-го августа, пунктъ 6-й, повелѣно, съ бухарскихъ купцовъ, которые пожелаютъ ѣхать внутрь Россіи изъ Оренбурга, взыскивать пошлины по торговому уставу объ иностранцахъ, вѣзжающихъ въ Россію чрезъ Астрахань.

Это подтверждено указомъ 1740 года, 19-го января; но, по представленію Неплюева, 10-го января 1752 года, пропускъ азіятцевъ въ Россію вообще запрещенъ. Указомъ 10-го мая 1754 года проѣздъ разрѣшенъ снова, со взысканіемъ съ купцовъ, сверхъ портовой и внутренней пошлины, еще проѣзжей, что подтверждено въ таможенномъ уставѣ 1-го декабря 1755 года и отмѣнено снова именнымъ указомъ 13-го мая 1763 года. Съ тѣхъ поръ, по 1-е января 1807 года, проѣздъ азіятцевъ съ Россіею былъ вовсе воспрещенъ. Манифестомъ же означеннаго числа и дополнительнымъ указомъ 27-го октября онъ разрѣшенъ опять на три главныхъ ярмарки: нижегородскую, ирбитскую и коренную, въ теченіе годового срока, что подтверждено было высочайше утвержденными журналами азіятскаго комитета 28-го іюля 1825 года и 28-го февраля 1832 года.

Высочайше дарованною 7-го іюня 1734 года городу Оренбургу привилегіей розничный и мелочной торгъ на деньги дозволенъ только гражданамъ. Но, по представленію Неплюева, 10-го января 1752 года

разрѣшена для всѣхъ торговля ярмарочная и дозволено пріѣзжать туда иностранцамъ торговцамъ отъ портовъ, что подтверждено указами 2-го іюля 1752 года и 1763 года, 30-го апрѣля и 13-го мая, вслѣдствіе сомнѣній, возникшихъ по случаю изданія тарифа 1755 года, равно какъ указомъ 15-го апрѣля 1798 года и высочайше утвержденнымъ положеніемъ азіятскаго комитета 21-го іюля 1825 г., а высочайше утвержденнымъ журналомъ азіятскаго комитета 21-го февраля 1832 года разрѣшена азіятцамъ на оренбургской линіи безъ платы гильдейскихъ пошлинъ только.

Таможенные пошлины взыскивались сначала, по указу 20-го августа 1739 года, по 3 коп. съ рубля въ теченіе 10 лѣтъ. Опредѣленныхъ постановленій относительно способа сбора не было, и только для большей правильности оцѣнки издана была въ 1750 году Неплюевымъ и Тевкелевымъ такса товаровъ.

Съ 1750 года начали взимать на оренбургской линіи, какъ въ Астрахани, по 5 коп. съ рубля, и сверхъ того въ 1752 году, при указахъ 1-го іюня и 14-го октября, изданы были регламентъ торговый и тарифъ.

Въ 1754 году, 10-го мая, по случаю уничтоженія 20-го декабря 1753 года внутреннихъ сборовъ, повелѣно было пошлину съ азіятцевъ, торгующихъ въ Оренбургѣ, оставить прежнюю, по 5 коп.; внутреннюю же, 13-копѣчную, брать съ русскихъ купцовъ; но если сами азіятцы пожелаютъ ѣхать внутрь Россіи съ товарами, въ такомъ случаѣ взыскивать съ нихъ сверхъ вышеказанныхъ 18 коп. еще по 10 коп. проѣзжей пошлины съ рубля.

Въ 1777 году изданъ былъ новый тарифъ, по которому пошлина взымалась большею частию со штуки, а не съ цѣны и съ общей сложности, и была гораздо значительнѣе пятипроцентной, а 7-го іюля 1800 года повелѣно взимать сверхъ таможенныхъ еще карантинныхъ. Въ 1807 году, при разрѣшеніи азіятцамъ вѣзда въ Россію, никакой проѣзжей пошлины съ нихъ не положено, а только 26-го февраля 1814 года велѣно взыскивать за паспорта 50 р. ассигн. въ годъ. Съ 1818 года воспріялъ дѣйствіе новый, высочайше утвержденный 30-го мая 1817 года, тарифъ.

Отличіе его отъ тарифа 1777 года состояло главнымъ образомъ въ слѣдующихъ:

- 1) По прежнему уставу пошлины взыскивались большею частию со штуки, по настоящему же съ оцѣнки.
- 2) Взысканіе пошлинъ по прежнему тарифу велѣно было дѣлать единственно съ русскихъ купцовъ, даже не запутывать расчетами азіятцевъ; по новому же послѣдніе сами вносили пошлины.
- 3) На главные статьи привоза, какъ-то: пряденую хлопчатую бумагу, шелковыя, шерстяныя и бумажныя издѣлія, нѣкоторыя краски, мягкую рухлядь и ископаемые, пошлина была значительно возвышена; отпускная же вообще сбавлена до 1% съ оцѣночного рубля.

Тарифъ этотъ сохраняется во всей силѣ и донинѣ; только указомъ 4-го октября 1830 года разрѣшенъ еще безъ пошлины вывозъ монеты.

Таковой порядокъ торговли возбуждалъ неоднократно ропотъ русскаго купечества, которое домогалось или совершеннаго вос-

прещенія азіятцамъ проѣзда внутрь имперіи, или взысканія съ нихъ при этомъ гильдейской пошлины. Но домогательства эти высочайше утвержденными журналами азіятскаго комитета 28-го іюня 1825 года, 25-го апрѣля 1830 года, 28-го февраля 1832 года и 11-го марта 1837 года были признаны неуважительными, потому что:

1) Стѣсненіе азіятцевъ уменьшило бы торговлю нашу, такъ какъ по недостатку на линіи капиталистовъ закупъ азіятскихъ произведеній обратился бы въ монополію нѣсколькихъ лицъ, а по опасностямъ пути и торговли въ среднеазіятскихъ владѣніяхъ для европейцевъ купцы наши не въ состояніи были бы распространять въ Азію такъ много товаровъ, какъ сами азіятцы.

2) Такое стѣсненіе, принося пользу не торговлѣ, но собственно нѣсколькимъ торгующимъ, было бы крайне невыгодно и для мануфактуристовъ, сокращая сбытъ произведеній ихъ и принуждая продавать продукты не въ первыя руки, какъ теперь, а чрезъ посредство нѣсколькихъ монополистовъ, которые даже не платили бы, какъ азіятцы, чистыми деньгами.

3) Наконецъ, стѣсненіе это могло бы возбудить соотвѣтствующія мѣры относительно нашихъ купцовъ въ среднеазіятскихъ владѣніяхъ и тѣмъ сдѣлать выгоды, дарованныя въ Россіи туземнымъ промышленникамъ, съ ущербомъ для торговли и мануфактуръ не дѣйствительными. Сверхъ того, разъѣзды русскихъ купцовъ въ Туранъ могли бы повлечь на съ непріятности политическія, отраженіе и развязка которыхъ представили бы крайнія затрудненія.

Взаимъ же просимыхъ купцами ограниченій торгующимъ на оренбургской и сибирской линіяхъ 2-й и 3-й гильдій дозволено, срочнымъ образомъ отправлять товары въ азіятскія области и вывозить ихъ оттуда на томъ же основаніи, какъ купцамъ 1-й гильдіи.

Касательно обезпеченія слѣдованія каравановъ и вообще безопасности торговли возникло много предположеній. Они оносились:

1) Къ охраненію самихъ каравановъ и выгодъ торгующихъ учрежденіемъ воинскаго прикрытія и засахованія товаровъ.

2) Укрошеніемъ киргизъ, посредствомъ устройства укрѣпленій въ степи и улучшеній администраціи.

3) Къ обузданію насильственныхъ дѣйствій хивинскаго владѣльца на Сыръ-Дарьѣ и смутъ, порождаемыхъ имъ между кайсаками, устройствомъ укрѣпленій на Сырь и походомъ на Хиву.

Опытъ первой мѣры былъ сдѣланъ въ 1824 году, и для прикрытія издержекъ по конною указомъ 11-го декабря повелѣно собирать съ товаровъ, отправляемыхъ подъ прикрытіемъ, по 25 коп. съ рубля. Но неудача вооруженнаго каравана показала малую дѣйствительность прикрытія; въ сѣбѣ съ тѣмъ обнаружилось, что предписанная пошлина съ товаровъ была бы слишкомъ отяготительна, а итогъ ея вовсе недостаточенъ на покрытіе издержекъ.

Къ засахованію и присугуемо не было, такъ какъ частые грабежи дѣлали, повидимому, подобную мѣру несбыточною.

Устройство крѣпостей въ степи признано слишкомъ дорогимъ и малополезнымъ. поелику вліяніе ихъ ограничивалось бы небольшими окрестностями.

Къ улучшенію администраціи и усиленію надзора за киргизами

посредствомъ султановъ-правителей и временныхъ воинскихъ отрядовъ приняты были дѣятельныя мѣры, которыя во многомъ увѣнчались успѣхомъ.

Укрѣпленіе на рѣкѣ Сырь признано нынѣ несовременнымъ, опытъ же похода на Хиву сдѣланъ въ 1839 году и побудилъ хана хивинскаго отказаться отъ враждебныхъ дѣйствій своихъ противу Россіи, чѣмъ значительно обезпеченъ успѣхъ мѣръ, относительно самой степи предпринятыхъ.

Наконецъ, по 3-й статьѣ—опредѣленію правъ и обязанностей торговцевъ нашихъ въ Средней Азіи — они постоянно домогались, чтобы съ нихъ взымаемо было тамъ только по 2½% дѣйствительной цѣны товара, чтобы оцѣнка произведена была правильно и дабы Россія опредѣлила своихъ консуловъ, покрайней мѣрѣ въ Бухару и въ Хиву.

По всѣмъ этимъ предметамъ правительство неоднократно входило въ сношеніе съ среднеазіятскими владѣльцами, какъ чрезъ собственныхъ посланцовъ ихъ, такъ посредствомъ русскихъ агентовъ; но доселѣ переговоры не имѣли успѣха.

Въ 1841 году сдѣланъ былъ новый опытъ ихъ, и съ этою цѣлю отправлены миссіи въ Бухару и въ Хиву. Результаты настоящей бухарскаго агента еще не извѣстны. Что же касается до Хивы, то ханъ объявилъ, что въ его владѣніяхъ таможенной пошлины нѣтъ, но со всего имущества частныхъ лицъ мусульманскаго исповѣданія взымается разъ въ годъ по 2½, съ иностранцевъ же по 5%, чему подчинены и русскіе купцы, что на оплаченный такимъ образомъ капиталъ они могутъ дѣлать въ продолженіе года, какъ въ самомъ ханствѣ, такъ и внѣ оного, сколько хотятъ оборотовъ, что поелику это законъ религіозный, то и измѣненъ быть не можетъ, и какъ зякетъ собирается не только съ привозныхъ, но и съ транзитныхъ товаровъ, то долженъ быть взымаемъ и на Сырь-Дарьѣ; что впрочемъ если Россія захочетъ, то ханъ согласенъ замѣнить зякетъ таможенною пошлиною, т. е. взиманіемъ процентовъ смотря по роду и количеству товаровъ, принявъ за основаніе таможенное постановленіе имперіи; что, наконецъ, оцѣнка товаровъ въ Хивѣ была для русскихъ и туземцевъ одинакова, пошлину же предоставляется каждому вносить натурою или деньгами, смотря по роду товаровъ, и даже послѣ распродажи ихъ.

VI. Домогательства русскихъ и азіятскихъ купцовъ.

Такова сумма распоряженій относительно среднеазіятской торговли нашей. Они, какъ уже изложено было выше, не удовлетворили домогательствъ купцовъ нашихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самихъ азіятцевъ, которые жалуются на таможенное стѣсненіе, на необходимость прискивать деньги за большіе проценты для немедленнаго взноса пошлинъ, на возвышеніе оцѣнки товаровъ таможенно, которая иначе грозитъ оставить ихъ за собою, на возвышеніе пошлинъ противъ тарифа 1777 года, на запретъ мелочной продажи по линіи и торговли въ столицахъ.

Чтобы опредѣлить, въ какой степени обоюдныя жалобы справедливы и удовлетвореніе ихъ сообразно съ настоящими выгодами нашей торговли, необходимо обратиться къ подробному разясненію историческаго хода ея и настоящаго состоянія.

УП. Обзоръ развитія и настоящаго состоянія среднеазиатской торговли.
 I. Движеніе торговли съ 1773 по 1838 годъ.
 ВСЕЪ ТОРГОВЫЙ ОБОРОТЪ ПО ОРЕНБУРГСКОЙ И СИБИРСКОЙ ЛІНІЯМЪ ПРОСТЕРЛАСЯ:

Годы.	Привозъ.	Отпускъ.	1 годы.	Привозъ.	Отпускъ.
1773—77 на	214,794 рублей	на 206,136 рублей	1832	5,712,757 рублей	на 5,624,418 рублей
1793—97	1,547,069	1,579,445	1833	6,920,935	6,781,750
1804—7	2,071,564	987,974	1834	7,408,462	6,687,909
1812—15	4,999,865	3,582,861	1835	8,208,161	6,543,484
1820—23	5,381,155	3,763,611	1836	10,086,975	7,698,075
1824—27	5,759,252	4,389,705	1837	10,030,513	6,794,906
1828—31	6,267,414	5,889,646	1838	7,872,399	6,041,074

П. Предметы привоза и отпуска караванной торговли по оренбургской линіи.
 ПРИВЕЗЕНО.

ЗВАНІЕ ТОВАРОВЪ.	1829.	1830.	1831.	1832.	1833.	1834.	1835.	1836.	1837.
Бумага пряденой	751,210	1,010,832	1,111,467	471,040	511,960	569,479	912,290	108,690	1,327,168
— хлопчатой	160,820	261,933	98,060	101,801	13,920	31,808	239,498	792,629	260,836
Мануфактурныхъ	983,743	1,276,502	1,305,795	581,287	645,695	716,882	1,035,434	722,559	1,112,826
жидкой	212,052	130,695	295,911	188,121	252,540	199,583	403,827	470,597	253,105
Прозабытыхъ и гра-	36,656	10,295	12,679	19,307	15,602	28,487	56,844	47,793	73,591
сохъ	4,970	7,907	2,650	1,150	2,400	4,765	2,215	37,752	13,500
Ископаемыхъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Разныхъ това-	—	528	224	58	1,208	2,180	68	2,108	176
ровъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	2,149,451	2,698,694	2,826,723	1,362,765	1,443,208	1,553,186	2,650,178	3,160,338	3,041,457

ОТПУЩЕНО.

ЗВАНІЕ ТОВАРОВЪ.	1829.	1830.	1831.	1832.	1833.	1834.	1835.	1836.	1837.
Мануфактурныхъ из-	623,888	386,846	460,966	75,265	194,69	304,231	46,815	368,662	404,500
радныхъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Фабричныхъ и ремес-	164,698	96,900	115,004	85	43,799	75,439	58,575	84,117	67,264
ленныхъ	213,440	229,011	205,730	88,189	173,064	177,448	227,657	174,120	236,573
Югг.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Металловъ и прочихъ	228,437	145,415	112,997	145,032	233,909	145,738	214,763	279,119	301,328
ископаемыхъ	386,172	109,290	224,687	118,150	95,020	38,561	143,900	244,260	277,626
Коненни	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Колоніальныхъ про-	110,102	64,686	80,249	23,896	38,403	90,756	85,103	42,225	56,776
дуктовъ	19,381	26,988	26,572	6,563	18,153	22,265	13,238	25,051	10,546
Сырыхъ матеріаловъ	12,440	—	25,650	—	—	—	—	3,660	—
Скота.	55,661	14,713	16,004	13,183	12,523	43,128	12,660	35,818	88,518
Разныхъ товаровъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	1,814,181	1,073,853	1,267,861	704,017	950,743	66,861	1,150,101	1,441,986	1,383,133

III. Отпуска денегъ по оренбургской караванной торговлѣ.

Въ	1829 году	14,217 рублей ассигнаціями	Въ 1836 году	194,590 рублей ассигнаціями
— 1830 —	56,210	—	— 1837 —	142,086
— 1832 —	3,836	—	— 1839 —	1,004,867
— 1833 —	15,345	—	— 1840 —	1,844,826
— 1834 —	60,135	—	— 1841 —	355,533
— 1835 —	10,265	—		

IV. Пошлинный и карантинный сборы по Оренбургскому таможенному округу.

	1829.	1830.	1831.	1832.	1833.	1834.	1835.	1836.	1837.
	Руб.	К. Руб.	К. Руб.	К. Руб.	К. Руб.	К. Руб.	К. Руб.	К. Руб.	К. Руб.
По караванной торговле:									
Привезено	2,149,451 20	2,698,694 25	2,826,723 95	1,362,765 60	1,443,208 90	1,553,186 20	2,650,178 56	3,160,338 64	3,041,457 5
Отпущено	1,814,181 69	1,073,853 36	1,267,861 70	704,017 24	950,743 66	861,646 15	1,150,101 55	1,441,986 50	1,383,133 96
По мѣловой торговле:									
Привезено	1,797,849 62	1,573,865 2	1,322,408 6	1,718,868 52	2,104,413 10	2,115,358 19	1,756,995 50	1,840,447 5	1,828,441 18
Отпущено	1,934,806 28	1,978,123 81	1,715,585 69	2,366,667 97	2,629,005 94	2,375,710 51	2,232,060 45	2,064,336 78	1,652,815 90
Итого	7,696,080 49	7,324,527 44	7,132,579 30	6,152,317 33	7,127,371 60	6,905,901 5	7,789,336 4	8,507,108 77	7,905,448 9
Собрано пошлинъ и карантинныхъ	326,140 9	372,503 96	376,355 83	212,015 58	226,732 88	412,759 77	318,002 38	305,008 62	352,060 1
Что составляетъ %	4 ² / ₁₀	5	5 ⁵ / ₁₀	3 ⁴ / ₁₀	3 ¹ / ₁₀	5 ³ / ₁₀	4	3 ⁴ / ₁₀	4 ⁴ / ₁₀

V. Составъ каравановъ.

	1829.	1830.	1831.	1832.	1833.	1834.	1835.	1836.	1837.
Пришло.									
Хозяевъ и работниковъ-бухарцевъ	213	139	—	—	121	152	193	341	388
Хивинцевъ	156	208	691	—	125	153	126	234	—
Коканцевъ	18	5	—	—	1	9	4.	—	—
Анганцевъ	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Русскихъ купцовъ	14	9	11	11	23	—	12	4	25
Верблюдовъ	3,976	2,271	4,088	2,453	2,492	2,316	5,475	7,475	5,720
Вышло.									
Верблюдовъ	3,783	3,404	3,647	3,469	3,736	4,762	5,366	4,639	4,390
Подвозъ	—	253	130	18	568	74	151	387	569

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ ПОДПОЛК. ДАНИЛЕВСКАГО ВЪ 1842 г. 67

VI. Грабежи каравановъ.

Грабежи касаются преимущественно каравановъ, отправляемыхъ на мѣну въ степь; изъ тѣхъ же, которые обращаются въ средне-азиатской торговлѣ, были разбиваемы въ послѣднее десятилѣтіе лишь на пути изъ Троицка, и то всего три:

Въ 1833 году одинъ бухарець.

Въ 1836 году полтора ста верблюдовъ.

Въ 1839 году на 3,500 рублей ассигнаціями.

VII. Торговые повинности русскихъ и азіятскихъ купцовъ.

Въ одномъ торговомъ оборотѣ сходить:

Съ русскихъ купцовъ.

Съ азіятцевъ.

	Въ Россіи.	проц.		проц.
Гильдейскихъ	4 ⁴ / ₁₀	4 ⁴ / ₁₀	Таможенныхъ пошлинъ	4 ⁴ / ₁₀
Таможенныхъ пошлинъ по де- вятилѣтней сложности	4 ⁴ / ₁₀	4 ⁴ / ₁₀	Паспортныхъ и на подачу объ- явленій	6 ⁶ / ₁₀
Городскихъ повинностей пас- портныхъ и на подачу объ- явленій около	12 ¹² / ₁₀			
	Въ Хивѣ.			
Зякета	5	Зякета	2 ¹ / ₂	
	Въ Бухарѣ.			
Зякета	5	Зякета	2 ¹ / ₂	

Итого сойдеть съ купцовъ, которые везутъ товары свои чрезъ Хиву и Бухару:

Съ русскихъ 20 Съ азіятцевъ 10

VIII. Выводы изъ обзора торговли.

Изъ всего вышеизложеннаго обнаруживается, что:

1) Среднеазиатская торговля наша постоянно возрастала съ поло-
вины прошедшаго столѣтія, слѣдовательно:

а) Расширеніе ея не зависитъ исключительно отъ разрѣшенія
азіятцамъ беспошлинно торговать внутри имперіи.

б) Такъ какъ возрастаніе торговли происходило доселѣ большею
частью при невыгодныхъ для нея обстоятельствахъ, то съ устрани-
емъ ихъ можно надѣяться еще на большее развитіе.

2) Балансъ предметовъ привоза и отпуска при настоящемъ ходѣ
торговли невыгоденъ для нашихъ мануфактуръ не только потому,
что вывозъ мануфактурныхъ издѣлій въ послѣднее десятилѣтіе вмѣсто
возрастанія уменьшился, но и по значительности и увеличенію при-
воза подобныхъ же издѣлій изъ Азіи, равно какъ перевѣса привоза
пряженой бумаги передъ сырцомъ. А потому нельзя признавать
преимущества, дарованныя азіятцамъ, выгодными для нашихъ ману-
фактуръ, и не слѣдуетъ смотрѣть на ограниченіе этихъ преимуществъ
какъ на стѣсненіе мануфактуристовъ въ пользу торгующихъ.

3) Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно возрастаетъ вывозъ звонкой мо-

неты нашей, и хотя нѣтъ сомнѣнія, что отпускъ денегъ, какъ всякаго другого товара, не приносить вреда промышленности, но достоверно также, что:

а) Онъ и не доставляетъ никакихъ особенныхъ выгодъ.

б) А сверхъ того, какъ монета есть товаръ всегда нужный и годный для сбыта, то и не должно поощрять вывозъ его преимущественно предъ другими; между тѣмъ, деньги суть единственный предметъ отпуска, освобожденный отъ пошлинъ.

4) Будучи невыгодною для мануфактуръ нашихъ, среднеазиатская торговля въ настоящемъ положеніи противна интересамъ купечества, какъ видно изъ состава каравановъ, въ которыхъ русскіе купцы и прикащики составляютъ самую малую часть. Но они не только не пользуются барышами дѣйтельной заграничной торговли, но сверхъ того и выгодами отъ перепродажи азіатскихъ товаровъ внутри имперіи, такъ какъ бухарцы и хивинцы большею частію сами вѣзятъ на нижегородскую ярмарку.

5) Причины столь малаго участія русскаго купечества въ среднеазиатской торговлѣ не должно относить къ грабежу каравановъ, такъ какъ:

а) По вышеизложеннымъ свѣдѣніямъ, рискъ этотъ совсѣмъ не значительно обыкновеннаго риска отъ буръ въ морской торговлѣ.

б) И совершенно не меньше для азіатцевъ, чѣмъ для русскихъ купцовъ, такъ какъ барантовщики, нападая на караванъ, не разбираютъ, кому принадлежитъ товаръ.

6) Настоящія же причины малаго участія купцовъ нашихъ въ среднеазиатской торговлѣ суть:

а) Неопредѣленность правъ и обязанностей ихъ въ Хивѣ и въ Бухарѣ.

б) Превосходство несомыхъ ими повинностей надъ тѣми, которыми подчинены азіатцы.

IX. Заключение.

Къ устраненію перваго препятствія уже сдѣланы успѣшныя начала; посему и остается обратить вниманіе на второе, и какъ главная тягость въ повинностяхъ происходитъ не отъ распоряженій хивинскаго или бухарскаго владѣльца, но отъ собственныхъ постановленій нашихъ, то въ измѣненіи ихъ и должно искать пособія злу.

Простѣйшими мѣрами было бы, повидимому, воспрепятствіе привоза азіатскихъ мануфактурныхъ издѣлій, вывоза денегъ и проѣзда азіатцевъ на таможенную черту; но это могло бы значительно уменьшить торговлю нашу, лишивъ азіатцевъ средствъ платить за вывозимые товары, и сверхъ того возбудило бы, вѣроятно, соответствующія распоряженія со стороны хивинскаго и бухарскаго владѣльцевъ.

Посему необходимо приискать мѣры, которыя, покровительствуя нашимъ мануфактурамъ и торговлѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ не вооружили бы азіатцевъ.

Лучшими способами къ тому кажутся:

1) Объявить. Уральскъ, Оренбургъ, Орелъ, Троицкъ, Петропавловскъ и Семипалатинскъ порто-франко, съ тѣмъ, чтобы пош-

лина съ вывозимыхъ изъ Азіи и отпускаемыхъ туда товаровъ взыскиваема была на европейской границѣ сказанныхъ городовъ.

2) Предоставить азіатцамъ въ помянутыхъ мѣстахъ права производить беспошлинно оптовую и розничную торговлю; съ тѣхъ же, которые пожелаютъ везти сами товары свои внутрь имперіи, взыскивать таможенные пошлины наравнѣ съ русскими купцами и сверхъ того за годовой паспортъ 70 руб. серебромъ.

3) Съ вывозимой азіатцами монеты взыскивать по 5% наравнѣ съ пошлиною, платимую съ денегъ въ Хивѣ и въ Бухарѣ русскими купцами.

Мѣры эти:

1) Будутъ выгодны не для однихъ линейныхъ торгующихъ, а для торговли вообще, такъ какъ доставятъ возможность русскимъ купцамъ принимать дѣйтельное въ ней участіе и расширить предѣлы ея приливомъ новыхъ и большихъ капиталовъ.

2) Не только не принесутъ вреда, но будутъ полезны для мануфактуръ нашихъ, такъ какъ очевидно, что нынѣшій порядокъ вещей для нихъ крайне невыгоденъ, и что нельзя ожидать измѣненія его безъ дѣйтельнаго участія въ среднеазиатской торговлѣ русскихъ купцовъ.

3) Азіатцы, безъ сомнѣнія, примутъ перемѣну эту съ радостію, такъ какъ она дастъ имъ возможность избѣгнуть расчетовъ и вообще сношеній съ таможенными и торговать въ розницу, а возвышеніе паспортной платы (въ сущности неотяготительной, ибо падаетъ не на одно лицо, а на нѣсколькихъ, которымъ отправляющіеся внутрь Россіи служатъ обыкновенными представителями) приобрѣтетъ имъ право дѣлать обороты не на однихъ ярмаркахъ, а вообще въ имперіи.

4) Наконецъ распоряженіе это не произведетъ невыгодной перемѣны въ доходахъ казны, ибо мѣстное употребленіе азіатскихъ товаровъ въ Оренбургѣ и остальныхъ четырехъ линейныхъ городахъ ничтожно. Напротивъ того, можно надѣяться, что это увеличитъ доходы отъ расширенія торговли и возвышенія паспортнаго сбора; сверхъ того, несомнѣнно облегчитъ таможи, поставивъ ихъ въ сношеніе, вмѣсто азіатцевъ, съ русскими купцами и вмѣсто мелочныхъ мѣновыхъ промышленниковъ съ оптовыми торговцами.

(¹⁰) Предписаніе вице-канцлера Данилевскому отъ 29-го мая, № 1,608. Арх. канц. воен. губернатора.

(¹¹) Предписаніе вице-канцлера Данилевскому отъ 29-го мая, № 1,609. Арх. канц. воен. губернатора.

(¹²) *Высочайшая грамота.* Отпустивъ съ благоволеніемъ отъ высокаго двора Нашего бывшаго здѣсь вашего посланника Веизъ-Низабая и желая явить вамъ новый опытъ внимательнаго Нашего расположенія, Мы признали за благо отправить къ вамъ въ качествѣ посланника Нашего подполковника Данилевскаго. Мы поручили ему войти съ вами въ окончательныя объясненія по предметамъ, касающимся сосѣдственныхъ сношеній Россіи съ Хивою, и уполномочили его, по обоюдному съ вами согласію, постановить тѣ основанія, кои могутъ устранить на будущее время всякій поводъ къ какимъ-либо

недоумѣніямъ и тѣмъ упрочить взаимную пріязнь и доброе согласіе. Подполковникъ Данилевскій облеченъ высокою Нашею довѣренностію, а потому, поручая ему представить вамъ сію Нашу императорскую грамоту, Мы желаемъ, чтобы вы давали полную вѣру его словамъ. Да будутъ дни ваши исполнены благополучіемъ. Дана въ столичномъ нашемъ городѣ С.-Петербургѣ, мая 28-го дня 1842 года.⁴

Письмо вице-канцлера къ хану. „Письмо ваше, высокостепенный ханъ, отправленное съ посланниками вашими Ваизъ-Ниязбаевымъ и Ишбаемъ Бабаевымъ, мною получено. По прибытіи сюда упомянутыхъ вашихъ посланниковъ, я за удовольствіе поставилъ исходатайствовать для нихъ у великаго нашего государя императора дозволеніе представиться предъ священную его особу. Они удостоились сего счастья; изъявили увѣренія въ неизмѣнномъ желаніи вашемъ сохранять и утверждать пріязненные связи между русскою державою и подвластными вамъ областями; приняты милостиво и отпущены съ благоволеніемъ.

„Послѣдовавшая кончина бывшаго въ Хивѣ капитана Никифорова лишила насъ возможности знать подробности его съ вами переговоровъ; а потому государь императоръ, желая явить вамъ новый опытъ внимательнаго своего расположенія, высочайше соизволилъ повелѣть: отправить въ Хиву, въ качествѣ посланника, достопочтеннаго и знатнаго подполковника Данилевскаго. Ему поручено войти съ вашимъ высокостепенствомъ въ окончательныя объясненія по предметамъ, относящимся до сосѣдственныхъ сношеній между имперіею Россійскою и владѣніями хивинскими, и по обоюдному согласію постановить тѣ основанія, кои могутъ способствовать полному утвержденію дружбы и доброй пріязни и устраниенію на будущее время всякаго повода къ какимъ-либо недоумѣніямъ.

„Извѣщая о семъ ваше высокостепенство, я остаюсь въ совершенной увѣренности, что вы оцѣните благость намѣреній всемилостивѣйшаго государя императора; съ своей же стороны я прошу васъ оказать подполковнику Данилевскому, который представитъ вамъ высочайшую грамоту Его Величества, пріемъ, приличествующій его званію, и давать полную вѣру всему тому, что онъ предложитъ, такъ какъ всѣ слова его будутъ основаны на точномъ смыслѣ полученныхъ имъ высочайшихъ повелѣній; по окончаніи же возложенныхъ на него переговоровъ, отпустить его обратно, когда онъ пожелаетъ возвратиться.

„Подполковникъ Данилевскій имѣетъ порученіе представить вамъ, отъ высочайшаго имени государя императора коляску со всѣми къ ней принадлежностями, какъ знакъ благорасположенія Его Величества къ особѣ вашей. Я также пользуюсь симъ случаемъ, чтобы препроводить отъ себя нѣкоторыя вещи для вашего высокостепенства. Засимъ желаю вамъ здравія и всякаго благополучія.⁴

Письмо отъ военнаго губернатора къ хану: „Высокомѣстный и доблестный оренбургскій военный губернаторъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, согласно съ изъявленнымъ имъ желаніемъ оставить, по причинѣ разстроеннаго здоровья, управленіе ввѣреннымъ ему краемъ, всемилостивѣйше уволенъ государемъ императоромъ отъ исправленія обязанностей, на него возложенныхъ. Его Величеству благоугодно

было намѣсто его поручить мнѣ управленіе Оренбургскимъ краемъ. Довода о семъ до свѣдѣнія вашего высокостепенства, мнѣ пріятно увѣрить васъ, что я не престану принимать всѣ зависящія отъ меня мѣры къ сохраненію и утвержденію дружественныхъ отношеній, существующихъ между Россійскою имперіею и сосѣдственными съ нею областями Средней Азіи. Излишнимъ почтито говорить, сколь выгодно для Хивы пріязненное расположеніе такой могущественной державы, какова Россія. Ваше высокостепенство, безъ сомнѣнія, исполнитъ убѣждены въ этомъ. Съ своей стороны долгомъ поставлю изъяснить, что во мнѣ, какъ главномъ пограничномъ начальникѣ, вы найдете постоянную готовность немедленно удовлетворить справедливымъ вашимъ желаніямъ и вообще способствовать успѣхамъ взаимнаго добраго согласія.

„Прибывшіе отъ васъ посланники приняты въ Оренбургѣ внимательно; допущены въ С.-Петербургъ; удостоены счастья быть представленными великому государю императору; отпущены благосклонно и нынѣ благополучно возвращаются въ Хиву. При семъ Его Величество, желая явить новый опытъ своего къ вамъ благорасположенія, высочайше соизволилъ повелѣть: отправить къ вамъ достопочтеннаго и знатнаго подполковника Данилевскаго, коему поручено, по согласію съ вами, войти въ объясненія по нѣкоторымъ предметамъ, могущимъ способствовать большому упроченію взаимныхъ дружественныхъ связей. Я нисколько не сомнѣваюсь, что господинъ подполковникъ Данилевскій получитъ у васъ пріемъ, приличествующій его званію; мнѣ остается только желать, чтобы благая цѣль его послышки была оцѣнена справедливымъ образомъ. Засимъ, поручая себя доброму расположенію вашему, высокостепенный ханъ, молю Всевышняго, да ниспошлетъ на васъ всякое счастье.⁴

(¹³) Въ числѣ подарковъ, какъ сказано выше, была коляска, которую давно желалъ получить Алла-Кулъ; но, къ сожалѣнію, ее постигла несчастная участь: въ бытность нашу въ Хивѣ въ 1858 году, намъ рассказывали, что, пріобрѣтъ коляску, ханъ рѣшился тотчасъ же въ ней покататься втихомолку, но вслѣдъ затѣмъ заболѣлъ и умеръ. Суетвѣріе не замедлило отнести причину смерти Алла-Кула къ нарушенію имъ обычнаго способа ѣзды хивинцевъ, вслѣдствіе чего злосчастная коляска была тотчасъ же замурована въ какомъ-то сараѣ и въ такомъ положеніи оставалась до нашего прибытія въ 1858 году, когда рѣшились наконецъ открыть сарай, гдѣ и нашли одни только печальные останки когда-то великолѣпнаго экипажа. По этому случаю нынѣшній хивинскій ханъ призывалъ бывшаго у насъ въ конвой солдата-слесаря и предлагалъ ему остаться въ Хивѣ для починки коляски; но солдатъ не согласился, несмотря на то, что ханъ обѣщалъ сдѣлать его начальникомъ артилеріи своихъ войскъ.

(¹⁴) Отчетъ Данилевскаго. Архивъ генеральнаго штаба оренбургскаго корпуса. Рапорты Данилевскаго Обручеву отъ 14-го октября, 21-го и 25-го ноября и 30-го декабря 1842 года, №№ 48, 53, 56 и 60, и отъ 1-го февраля 1843 г., № 65. Въ письмѣ же къ Ханыкову изъ Хивы, отъ 20-го декабря, вотъ что между прочимъ писалъ Данилевскій о своихъ дѣлахъ: „Я вступилъ на границу Хивинскаго хан-

ства въ половинѣ сентября, послѣ весьма труднаго путешествія по степи. По пріѣздѣ моемъ Туркестанъ сдѣлался театромъ войны, на которомъ отличились тогдашнія знаменитости. Бухарскій эмиръ, умертвивъ Мухамедъ-Али и овладѣвъ нѣсколькими городами Кокана, удалился на нѣкоторое время къ себѣ. Въ его отсутствіе эта провинція поголовно возсталла, а бухарскій гарнизонъ частью былъ вырѣзанъ, частью былъ изгнанъ. Насиръ-Ула вновь принялся за дѣло; но на этотъ разъ онъ встрѣтилъ гораздо болѣе сопротивленія: кованцы, подкрѣпленные союзниками, устояли противъ всѣхъ усилій. Хивинскій ханъ, между тѣмъ, воспользовавшись отсутствіемъ эмира, собралъ свое войско и двинулся на границу Бухаріи въ окрестности Чарджуя и Каракуля. Не воображайте, чтобы всѣ эти дѣйствія сопровождались кровопролитными сраженіями, тактическими маневрами; всѣ высокія соображенія ограничивались только безнаказаннымъ грабежомъ мирныхъ жителей, надъ которыми эти полководцы изощряли свои воинскія способности. Эмиръ стоялъ спокойно въ укрѣпленномъ лагерѣ въ Коканѣ и грабилъ окрестности; Алла-Кули-ханъ безпрепятственно разорялъ указанный мною край и не могъ овладѣть Чарджуемъ только потому, что десютокъ или два жителей скрылись подъ защиту глинянаго вала, имѣя для своей обороны нѣсколько негодныхъ фитильныхъ ружей. Сіе послѣднее можетъ дать намъ нѣкоторое понятіе о достоинствѣ ихъ войскъ и способностяхъ вождей. Результатъ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій въ настоящую минуту тотъ, что ханъ, уведя съ собою тысячи плѣнныхъ бухарцевъ, какъ мужчинъ, такъ женщинъ и дѣтей, вернулся, вслѣдствіе моего письма, которое я ему писалъ изъ Ташауса въ Хиру; эмиръ послѣ напрасныхъ усилій тоже возвратился въ Бухару, и въ настоящее время начались между ними переговоры. Эмиръ хочетъ возобновить войну съ коканцами и требуетъ нейтралитета со стороны Хивы и выдачи его плѣнныхъ. Хива возстаетъ противъ войны съ коканцами и не хочетъ выдать плѣнныхъ бухарцевъ. Уполномоченные уже нѣсколько разъ расходились и вновь собирались, чтобы обсудить сіи политическіе интересы, но окончательнаго рѣшенія еще не послѣдовало. Вы не повѣрите, съ какимъ отвращеніемъ я вамъ сообщаю всѣ подробности, послѣ того, что былъ свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ смѣшное и глупое невѣжество самое полное, алчность самая низкая и самая грубая безчеловѣчность соединяются вмѣстѣ.

„Мои переговоры съ ханомъ меня морально разстроили. Я страдаю сплиномъ въ полномъ смыслѣ этого слова: изнурительнымъ и неисцѣлимымъ.

„Въ класѣ цивилизованомъ сохранилась, по крайней мѣрѣ, благопристойность, есть наружный лоскъ, подъ которымъ скрывается все безобразіе внутреннихъ слоевъ, есть, такъ сказать, гасъ, который скрываетъ отъ васъ эгоизмъ и ризвратъ. Здѣсь все выставляется наружу въ самомъ возмутительномъ цинизмѣ и въ самыхъ грубыхъ формахъ. Этотъ порывъ негодованія, который я не могъ удержатъ, за который прошу у васъ извиненія, прервалъ навремя мое повѣствованіе о томъ, что мнѣ оставалось вамъ сказать, чтобы представить вкратцѣ событія въ Туркестанѣ. Итакъ, Алла-Кули-ханъ вер-

нулся въ Хиву, два раза я имѣлъ у него аудіенцію, и, воспользовавшись обстоятельствомъ, въ которыхъ онъ находился, я завелъ съ нимъ переговоры. Вы не сомнѣваетесь въ томъ, что онъ былъ не мало внимателенъ къ тѣмъ представленіямъ, которыя я ему дѣлалъ въ смыслѣ его личныхъ интересовъ, которыя весьма согласовались со скромными и справедливыми требованіями, которыя наше правительство ему такъ великодушно предлагало; но, по особому злополучію, меня преслѣдующему, ханъ заболѣлъ и чрезъ пятнадцать дней умеръ, не покончивъ со мною. Его сынъ Инахъ-Рахимъ-Кули ему наследовалъ. Съ нимъ я возобновилъ переговоры, и только послѣ неумолкающей борьбы въ теченіе семи недѣль я успѣлъ ихъ покончить; на этихъ дняхъ ханъ приложилъ свою печать къ акту, составленному согласно намѣреніямъ нашего правительства. Я приложилъ особое стараніе къ освобожденію персіянъ, жалая сдѣлать хотя одинъ хорошій поступокъ въ жизни; но я успѣлъ только высвободить родственника губернатора Мешада, который содержался въ четырехъ стѣнахъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Мои увѣщанія относительно другихъ не могли быть милостиво услышаны, потому что ханъ еще слишкомъ гордъ и надмененъ отъ побѣдъ надъ бухарцами и угрозы войны не заставили его даже поморщиться послѣ его высокихъ подвиговъ; наконецъ, есть много другихъ причинъ, которыя будутъ напрасно въ настоящее время вамъ исчислять.“

(15) Рапортъ Данилевскаго Обручеву, отъ 11-го марта 1843 г., № 86. Арх. канц. воен. губерн.

(16) Отзывъ вице-канцлера, 4-го іюня, № 1,560. Арх. канц. воен. губерн.

Содержаніе грамоты и письма было слѣдующее:

Грамота. „Обладателю Хивы, высокостепенному Рахимъ-Кули-хану, Наша Императорскаго Величества благопріязнь и доброе привѣтствіе. Посланецъ вашъ, минбаши Магомедъ-Еминъ, по прибытіи въ столицу Нашу, былъ намъ представленъ и поднесъ грамоту вашего высокостепенства. Намъ пріятно было усмотрѣть изъ оной, что, постигая прямые пользы, проистекающія для ханства Хивинскаго отъ дружественныхъ сношеній съ Россійскою имперіею, вы приняли благоразумное намѣреніе, по примѣру родителя вашего, стараться объ упроченіи пріязни и добраго согласія. Убѣждаясь въ искренности миролюбивыхъ увѣреній вашихъ, вполне соответствующихъ Нашимъ желаніямъ, Мы съ удовольствіемъ одобрили условія взаимныхъ отношеній, постановленныя вами по соглашенію съ полковникомъ Данилевскимъ, который былъ нами на сей предметъ уполномоченъ. Вслѣдствіе чего повелѣли Мы нашему вице-канцлеру выдать посланцу вашему, для доставленія вашему высокостепенству, подтвердительный актъ, заключающій въ себѣ обоюдныя условія. Мы твердо увѣрены, что они будутъ вами и подданными вашими соблюдаемы свято и ненарушимо; а такое соблюденіе основаній дружбы будетъ имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ продолженіе и укрѣпленіе Нашего къ вамъ благорасположенія. Отпустивъ благосклонно посланца вашего минбаши Магомедъ-Емина, Мы поручили ему изустно передать вамъ нѣкоторые слова, внушенныя пріязнію и строгою справедливостію. Засимъ желаемъ вамъ всякаго счастья. Сія наша

императорская грамота дана въ Петергофѣ, іюня 30-го дня 1843 г.. царствованія же Нашего въ восемнадцатое лѣто.⁴

Письмо вице-канцлера къ хану. Мнѣ весьма пріятно увѣдомить ваше высокостепенство, что посланецъ вашъ, почтенный минбаши Магомедъ-Еминъ, прибывъ благополучно въ столичный городъ С.-Петербургъ, удостоился счастія предстать предъ священную особу великаго нашего государя императора и лично поднести Его Императорскому Величеству грамоту вашего высокостепенства.

„Изустныя увѣренія посланца вашего, равно какъ и донесенія возвратившагося изъ Хивы достопочтеннаго полковника Данилевскаго свидѣтельствуютъ о мудромъ намѣреніи вашемъ соблюдать въ отношеніи къ могущественной Россійской имперіи правила добраго сосѣдства и пріязни. Это несомнѣнно будетъ имѣть послѣдствія самыя успѣшныя и благопріятныя для подвластныхъ вамъ племенъ. Постановленныя вашимъ высокостепенствомъ, по соглашенію съ уполномоченнымъ отъ Россійской державы, достопочтеннымъ полковникомъ Данилевскимъ основанія дружбы и согласія были приняты Его Императорскимъ Величествомъ въ надлежащее вниманіе.

„По Высочайшему повелѣнію августѣйшаго государя императора, составленъ и укрѣпленъ моею подписью подтвердительный актъ, въ которомъ заключаются обоюдныя условія пріязни и который, для доставленія вашему высокостепенству, врученъ мною почтенному послу вашему. Да будетъ сей актъ залогомъ благоденствія Хивы и источникомъ взаимнаго удовольствія. При благосклонномъ отпускѣ отсюда почтеннаго посланца вашего, отличившагося во всѣхъ отношеніяхъ совершеннымъ приличіемъ своихъ дѣйствій, поручено ему доставить вашему высокостепенству нѣкоторыя вещи, знаки благорасположенія, отъ августѣйшаго имени Его Императорскаго Величества и отъ Его Императорскаго Высочества наслѣдника цесаревича. Я съ своей стороны воспользовался также симъ случаемъ, чтобы просить васъ о принятіи отъ меня нѣкоторыхъ здѣшнихъ издѣлій, посылаемыхъ также съ помянутымъ посланцемъ, коему врученъ мною списокъ всѣмъ отправляемымъ вещамъ.

„Въ заключеніе остается мнѣ довести до свѣдѣнія вашего высокостепенства, что августѣйшій государь императоръ соизволилъ лично поручить посланцу вашему передать вамъ, сколь Его Императорскому Величеству было бы пріятно о прекращеніи продолжающихся недоразумѣній и вражды между вашими и персидскими владѣніями. Возстановленіе съ Персіею сношеній миролюбивыхъ и отклоненіе всего того, что можетъ ихъ нарушить, послужило бы, безъ сомнѣнія, къ славѣ вашей и къ пользѣ вашихъ подданныхъ. Отъ прозорливости вашей не укроются выгоды, истекающія отъ дружелюбныхъ соотношеній съ сосѣдственными государствами, имѣющими политическое значеніе, а потому я считаю лишнимъ излагать здѣсь мнѣніе мое о ближайшихъ средствахъ къ примиренію съ персіянами. Затѣмъ желаю вашему высокостепенству многолѣтняго здравія и ненаружимаго благополучія.“

(¹⁷) Рапортъ пограничной комисіи 23-го іюня, № 6,105. Содержаніе письма слѣдующее: „Онъ, Слава отца побѣдъ, торжествующаго побѣдоноснаго ховарезмскаго шаха.

„Признаки усердія, преданности, привязанности, искренности, пріязни Мухаммедъ-Аминю минбашѣ. Увидѣвши высокое повелѣніе, да будетъ извѣстно: слава Богу, нынѣ, 8-го числа мѣсяца джумадуэль-аввала, въ понедѣльникъ, въ Ховарезмѣ спокойно. Весь народъ нашего владѣнія счастливъ во всемъ, занять молитвами объ увеличеніи нашей силы. Высокомѣстный, высокостепенный наслѣдникъ величія, почтенный братъ нашъ Мухаммедъ-Аминъ-Инакъ, для спокойствія и безопасности нашего отечества, ходилъ съ побѣдоноснымъ войскомъ, подобнымъ Александра Македонскаго войску, въ Мерву. Въ это время бухарскій эмиръ, полагая, что хивинское владѣніе осталось совершенно пустымъ, вознамѣрился придти въ столицу онаго, какъ сдѣлалось намъ извѣстно, а потомъ, когда уже мы удостоились о дѣйствительности его намѣренія, то подпора и украшеніе повелѣвающихъ, хозяинъ почестей, помощь власти, Рахманъ-Берды-Бій, родственникъ нашъ, съ частію войска былъ посланъ нами на встрѣчу къ бухарскому эмиру; но Бій не могъ устоять и былъ побѣжденъ. Бухарское войско обложило городъ Газараспъ 10-го числа мѣсяца рабиуэль-сани, а 20-го числа этого мѣсяца, въ пятницу, упомянутый Инакъ, благополучно возвратившись изъ Мервы, пробылъ въ столицѣ два дня, до воскресенья, и въ этотъ день отправился на враговъ отечества и продолжалъ драку съ войскомъ эмира цѣлую недѣлю; побѣдилъ оное, убилъ и взялъ въ плѣнъ многихъ военачальниковъ, множество войска, взялъ знамена, артилерію, снаряды, провизію, пики, ружья, сабли, латы, кибитки и палатки и всѣ принадлежности войска. Эмиръ самъ съ частію войска своего бѣжалъ; его гнали до могилы Дарганъ-аты, безпрестанно поражая. Объ эмирѣ нѣкоторые говорятъ, что онъ померъ, а другіе, что тяжело боленъ отъ ранъ.

„Да будетъ доведено это до свѣдѣнія почтеннаго друга нашего великаго государя императора, чтобы его обрадовать, и на эту радость чтобы выпросилъ у Его Величества двухъ искусныхъ артиллеристовъ, которые никогда не дѣлаютъ промаховъ, стрѣляя въ цѣль. Покуда предстанетъ предъ особу нашу, пусть сообщаетъ свѣдѣнія о тамошнихъ обстоятельствахъ.“